

Готфрид Келлер

Сельские Ромео и Джульетта

Этот рассказ был бы ненужным подражанием, если бы он не основывался на истинном происшествии и не показывал, как далеко в глубь человеческой жизни уходят корни всех сюжетов, которые лежат в основе великих произведений прошлого. Таких сюжетов не много, но они вновь и вновь оживают, всякий раз в ином обличье, и тогда рука невольно тянется их запечатлеть.

Над живописной рекой, которая протекает недалеко от Зельдвилы, в полудне ходьбы от нее, поднимается обширная, хорошо возделанная возвышенность, сбегаящая к плодородной равнине. У отдаленного ее подножия расположена деревня в несколько крупных крестьянских дворов, а по отлогому склону долгие годы, словно три гигантские ленты, лежали друг подле дружки три большие прекрасные пашни.

В одно солнечное сентябрьское утро два крестьянина пахали на двух крайних полосах. Средняя, по-видимому, много лет оставалась в полном запустении, ибо она была покрыта камнями и разросшимся сорняком, а над ней безмятежно жужжало бесчисленное множество крылатых насекомых. Что касается крестьян, шагавших с обеих сторон за своими плугами, то это были высокие, крепкого сложения люди лет сорока, в которых с первого взгляда можно было признать хорошо обеспеченных, зажиточных хозяев. На них были короткие, по колено, штаны из прочного тика, каждая складка которых лежала неподвижно, словно высеченная из камня. Когда они, натываясь на препятствие, крепче налегали на плуги, грубые рукава их рубашек колебались от легкого сотрясения, а гладко выбритые лица оставались спокойными и внимательными, и оба они, чуть щурясь от солнца, смотрели вперед, прикидывая на глаз длину борозды или оглядываясь время от времени на доносившийся издали шум, который нарушал тишину полей. Медленно, с какой-то естественной грацией ступали они шаг за шагом, не произнося ни слова, разве только давая указания батраку, который погонял рослых лошадей. Издалека они казались чрезвычайно похожими друг на друга, ибо таков был исконный тип крестьянина в здешних местах, и на первый взгляд их можно было бы различить только по тому признаку, что у одного белый колпак на голове сидел острым концом вперед, у другого же свисал на затылок. Но и этот признак менялся: пахали они в противоположных направлениях, и когда, встречаясь на вершине холма, проходили один мимо другого, у того, кто шел против свежего восточного ветра, колпак сбивался назад, а у другого, которому ветер дул в спину, он сдвигался наперед. Бывало и так, что сверкавшие на солнце колпаки сидели прямо, колеблясь и вздымаясь к небу, как языки белого пламени. Так они пахали в полном спокойствии, и приятно было смотреть в тиши полей, под золотом сентябрьского солнца, как они, встречаясь наверху, снова расходились безмолвно и медленно, все более удаляясь друг от друга, пока, словно два заходящих светила, не исчезали за округлостью холма, чтобы спустя некоторое время появиться вновь. Когда они находили на своих бороздах камни, то небрежным и сильным движением кидали их на середину запущенной пашни, хотя Это случалось редко, так как туда уже свалили все камни, какие только попадались на соседних полосах.

Так прошла часть долгого утра, пока со стороны деревни не показалась едва заметная издалека красивая повозочка, - она только начинала взбираться по отлогому склону. В этой выкрашенной в зеленый цвет детской колясочке дети обоих пахарей - мальчуган и девчурка - везли завтрак своим отцам. Для каждого тут был припасен вкусный хлеб, завернутый в салфетку, кувшин вина со стаканами и еще какой-нибудь лакомый кусочек, посылаемый заботливой крестьянкой трудолюбивому хозяину. Кроме того, в коляске были свалены в кучу надкусанные яблоки и груши самой причудливой формы, подобранные детьми на дороге; и среди хлебов, словно барышня, которая благосклонно разрешает себя везти,

восседала совсем голая кукла с одной только ногой и замусоленным личиком. После нескольких заминок и остановок коляска наконец добралась до вершины холма и приютилась под тенью молодых лип, на краю поля, и теперь уже можно было разглядеть обоих возниц: мальчика семи лет и девочку - пяти, здоровых, веселых и ничем не примечательных, разве что у обоих были очень красивые глаза, а у девочки - смуглый цвет лица и курчавые волосы, придававшие личику пылкое и прямодушное выражение. Пахари тоже снова добрались до вершины пригорка и, задав лошадям клевера, оставили плуги на полпути, на недоделанной борозде, а сами, как добрые соседи, принялись за общий завтрак и только тогда поздоровались, так как в этот день они еще не обмолвились ни словом.

Когда они с удовольствием съели свой завтрак, благодушно поделившись с детьми, которые ждали, не трогаясь с места, пока отцы ели и пили, взоры их стали блуждать по окрестностям ближним и дальним и задержались на городке, лежавшем между гор, дымясь и поблескивая, ибо от обильной стряпни, которой ежедневно занимались зельдвильцы, над их кровлями обычно подымались видимые еще издали серебряные облака, весело плывшие над горами.

- Эти зельдвильские бездельники опять стряпают обед! - воскликнул Манц, один из крестьян, а Марти, другой, ответил:

- Вчера один из них заходил ко мне насчет пашни.

- Из окружного совета? Он был и у меня.

- Вот как? И тоже, надо думать, предлагал тебе пользоваться землей, а денежки за аренду платить этим господам?

- Да, пока не решат, чья это пашня и что можно с ней сделать. Но я отказался поднимать этот пустырь ради кого-то другого и посоветовал им продать пашню и попридержать выручку, пока найдется владелец, чего, вероятно, никогда не случится; ведь то, что попало однажды в канцелярию Зельдвилы, долгонько задерживается там. Да, кроме того, и разобраться в этом деле мудрено. А эти бездельники только того и ждут, чтобы поживиться арендной платой, хотя, впрочем, и выручка от продажи могла бы им пригодиться. Но мы, разумеется, не подумаем набивать цену, а уж если купим, то будем знать, что мы получили и кому принадлежит эта земля.

- Вот-вот, так я и сказал этому франту.

Они помолчали немного, затем Манц снова заговорил:

- А все же обидно, что зря пропадает хорошая земля, просто глаза не глядели бы, а тянется это уже лет двадцать, и ни одна живая душа не займется этим; ведь здесь, в деревне, нет никого, кто заявил бы права на эту пашню, и никто не знает, куда девались дети сгинувшего трубача.

- Гм, - сказал Марти, - в том-то и дело! Когда я смотрю на этого черного скрипача, который только и знает, что с цыганами путаться да на скрипке пикировать на деревенских гулянках, то готов поклясться, что он внук трубача; конечно, ему невдомек, что у него есть пашня. Но что он стал бы с ней делать? Пьянствовал бы с месяц, а потом опять за старое! К тому же никто и не заикнется об этом, раз толком не известно ничего.

- Да, тут можно дел натворить, - согласился Манц. - И без того нам нельзя добиться, чтобы этого скрипача не оставляли у нас в общине на постоянное жительство, - ведь нам хотят посадить на шею этого оборванца. Родители у него были бездомные, так пусть и сам остается бездомным и играет на скрипке цыганам. Откуда, скажи на милость, нам знать, внук он трубачу или нет? Что до меня, то хоть и чудится мне, что в этом чернявом лице я узнаю старика, все же, я говорю, человек может ошибаться, и один какой-нибудь клочок бумаги, свидетельство о крещении, скорее успокоил бы мою совесть, чем сходство с десятью такими грешниками, как он сам.

- Ну, разумеется, - ответил Манц. - Правда, скрипач говорит, что не его вина, если его не крестили. Переносную, что ли, купель нам устроить и носить ее по лесам? Нет, она прочно стоит на месте в церкви, переносят только носилки для покойников, что висят снаружи у церковной степы. Наша деревня и без того переполнена, скоро уже и второй

учитель понадобится.

На этом трапеза и беседа крестьян закончились, они поднялись, чтобы доделать работу, положенную на сегодня, на утро. А дети, порешившие между собой пойти домой вместе с отцами, поставили колясочку под липами и отправились побродить; заброшенная пашня со своими сорняками, кустами и кучами камней представлялась им необычайной, удивительной чащей. Взявшись за руки, они ходили по этой зеленой чаще, забавляясь тем, что цеплялись сплетенными руками за высокие кусты чертополоха; потом уселись в тени одного из кустов, и девочка стала наряжать куклу, смастерив ей из крупных листьев подорожника красивое зеленое платье с зубчатой каймой; одинокий, еще не облетевший цветок мака был надет, как чепчик, на голову куклы и закреплен травинкой, и крошка стала выглядеть как фея, особенно после того, как она еще украсилась ожерельем и пояском из красных ягодок. Затем ее посадили наверх, из стебли чертополоха, и несколько мгновений оба не отрывали от нее глаз, пока мальчик, вдоволь наглядевшись, не сшиб ее камнем с вершины куста. Наряд ее пришел в беспорядок, и девочка поспешно сняла с нее все, чтобы заново приодеть; но как только кукла опять оказалась голой, в одном только красном чепчике на голове, озорник вырвал у подружки из рук игрушку и подкинул ее высоко в воздух. Девочка с плачем бросилась за ней, мальчик, однако, успел подхватить куклу, снова подбросил ее и долго еще дразнил подружку, которая тщетно пыталась поймать игрушку. Но порхавшая кукла не вышла из его рук невредимой: на колене ее единственной ноги образовалась дырочка, из которой посыпались отруби. Как только мучитель заметил это, он присмирел и, разинув рот, стал усердно ковырять дырку ногтями, чтобы посмотреть, откуда берутся отруби. Это затишье показалось крайне подозрительным бедной девочке, она подбежала и с ужасом обнаружила его злую проделку.

- Вот, смотри! - воскликнул он, размахивая перед самым носом подружки кукольной ногой, так что отруби летели ей прямо в лицо, а когда она с мольбой и плачем протянула руку за куклой, он снова удрал и угомонился только тогда, когда пустая, тощая нога повисла, как жалкая кожа. Затем он швырнул изувеченную игрушку и напустил на себя донельзя наглый и равнодушный вид, а малютка с плачем бросилась к кукле и завернула ее в свой фартук. Но вот она опять развернула ее и стала с жалостью разглядывать бедняжку; увидев ногу, она снова громко заплакала, ибо нога болталась на туловище, совсем как хвостик у саламандры. Девочка плакала так неудержимо, что преступнику стало наконец как-то не по себе, и он в страхе и раскаянии стоял возле нее; заметив это, она внезапно перестала плакать и несколько раз ударила его куклой, а он притворился, будто ему больно, и так естественно закричал "ай!", что она успокоилась и принялась уже вместе с ним разрушать и разбирать куклу на части. Они протыкали в теле мученицы дырку за дыркой, так что отовсюду посыпались отруби, которые они тщательно собрали в кучку на плоском камне, перемешали и стали внимательно рассматривать. Единственное, что уцелело от куклы, была голова, и на ней главным образом сосредоточилось внимание детей; они тщательно отделили ее от выпотрошенного туловища и с любопытством заглянули в ее пустое нутро. Когда они увидели эту испугавшую их пустоту и тут же глянули на отруби, самой первой и естественной мыслью их было набить голову отрубями, и пальчики детей заработали наперебой, так что впервые в жизни голова куклы оказалась наполненной каким-то содержимым. Однако мальчик, по-видимому, решил, что в этом содержимом не хватает жизни; он вдруг поймал большую сизую муху и, держа жужжащее насекомое между ладонями, предложил девочке высыпать отруби из головы. Потом они сунули туда муху и заткнули дырку травой. Они поочередно прикладывали голову куклы к ушам и наконец торжественно водрузили ее на камень; так как она еще была украшена красным маком и издавала какие-то звуки, она стала похожа на вещую голову, и дети, притихнув и обнявшись, стали слушать ее откровения и притчи. Но каждый пророк возбуждает ужас и неблагодарность; капля жизни в этом жалком подобии игрушки пробудила в детях жестокость, и они решили похоронить голову. Они вырыли могилу и, не спросив мнения пойманной мухи, положили туда голову и соорудили над могилой внушительный памятник

из камней. Тут им вдруг стало боязно, что они похоронили живое существо, и они отошли на изрядное расстояние от этого жуткого места. Устав, девочка легла навзничь на землю, выбрав местечко, сплошь покрытое травой, и стала монотонно напевать какие-то слова, всё одни и те же, а мальчик, который подтягивал ей, уселся рядом на корточках и был в нерешительности - не растянуться ли и ему на земле, такая усталость и лень овладели им. Солнце заглянуло в открытый рот поющей девочки, осветило ее ослепительно белые зубки, играя на пухлых пунцовых губах. Зубы бросились в глаза мальчику; с любопытством разглядывая их и придерживая голову девочки, он крикнул:

- Угадай, сколько во рту зубов?

Девочка подумала мгновение, как бы сосредоточенно считая, и затем сказала наудачу:

- Сто!

- А вот и не угадала! Тридцать два! - воскликнул он. - погоди, я сосчитаю!

Он стал считать зубы девочки и все сбивался и начинал сначала. Девочка долго терпела, но, видя, что усердный счетчик никак не кончит, вскочила и крикнула:

- А теперь я сосчитаю твои!

Мальчуган лег на траву, девочка, склонясь к нему, обхватила его голову, он раскрыл рот, и начался счет: "Один, два, семь, пять, два, один", ибо маленькая красавица еще не умела считать. Мальчик поправлял ее и объяснял, в каком порядке называть числа, так что и она без конца начинала сызнова, и из всего, что они предпринимали сегодня, эта игра пришлась им больше всего по душе. В конце концов девочка свалилась на маленького учителя арифметики, и дети уснули под ярким полуденным солнцем.

Тем временем отцы допахали свои полосы, превратив их в благоухающие свежей землей коричневые пашни. Когда же батрак одного из них, пройдя последнюю борозду, остановился, хозяин прикрикнул на него:

- Чего стал? Пройди еще раз!

- Мы ведь кончили, - сказал батрак.

- Помалкивай и делай, что тебе велят, - повторил хозяин.

И они повернули и проложили основательную борозду на средней, выморочной пашне, так что сорняки и камни летели во все стороны. Но крестьянин не стал убирать их. "Еще придет время для этого", - подумал он и, очевидно, удовлетворился на сегодня тем, что лишь начерно вспахал этот кусок. Так он быстро добрался до вершины по отлогому склону и, когда очутился наверху, где мягкий ветерок снова отогнул назад его колпак, на другой стороне мимо него прошел сосед в колпаке, загнутом наперед, и, в свою очередь, отхватил от средней полосы такую же широкую борозду, причем комья земли так и взлетели в воздух. Каждый из них, надо полагать, видел, что делал другой, но оба притворились невидящими и снова разошлись в разные стороны, проплыв один мимо другого, как безмолвные небесные светила, чтобы скрыться за краем этого круглого мира.

Так снуют один мимо другого челноки судьбы, и "ткач ни один не знает, какую ткань он ткёт".

Проходила жатва за жатвой, и с каждым годом дети росли и хорошели, а заброшенная пашня все более суживалась среди раздававшихся вширь соседних полос. Каждый раз при вспахивании она теряла по борозде с той и с другой стороны, и никто не говорил об этом ни слова и ничей глаз, казалось, не замечал этого произвола. Все теснее сдвигались камни, образовав внушительный кряж во всю длину поля, а дикий кустарник так поднялся ввысь, что дети, хотя и выросли, не могли уже видеть друг друга, если мальчик был по одну, а девочка по другую сторону пашни. Они теперь уже не ходили вместе в поле, потому что десятилетний Соломон, или Сали, как его звали, молодецкато держался поближе к парням постарше и взрослым мужчинам, а смуглой и горячей Френхен приходилось подчиняться правилам, предписываемым ее полу, иначе ее подняли бы на смех, как девочку, которая водится с мальчишками. И все же каждый год, в дни жатвы, когда все уходило в поля, они не упускали случая взобраться на гребень дикого каменистого кряжа, разделявшего их, и сталкивать оттуда друг друга. Обычно они не встречались, но эту церемонию осуществляли

ежегодно с тем большим рвением, что поля их отцов нигде более не соприкасались.

Тем временем пашню все же решено было продать и выручку хранить пока в кассе местных властей. Торги состоялись тут же на месте, однако, кроме Манца и Марти, пришли только несколько праздных зевак, ибо кому была охота приобретать этот диковинный участок и возделывать его между двумя соседями. Хотя оба крестьянина и были на наилучшем счету в деревне и поступили так, как поступили бы при подобных обстоятельствах две трети остальных, их теперь все же молчаливо осуждали, и никто не желал вклиниться между ними с урезанным выморочным участком. Большинство людей способно или готово совершить любую несправедливость, если только представится случай, но стоит только это сделать другому, как все остальные радуются, что согрешили-то все-таки не они, что искушение миновало их, и виновный становится для них мерилом низости, они начинают побаиваться его, как носителя зла, отмеченного судьбой, а у самих слюнки текут, такими заманчивыми кажутся им выгоды, которые достались другому. Манц и Марти оказались поэтому единственными серьезными покупателями; после довольно упорного торга пашня досталась Манцу и была формально закреплена за ним. Чиновники и зеваки удалились; оба крестьянина, которые еще замешкались в поле, уходя, снова встретились, и Марти сказал:

- Наверно, ты сложишь старую и новую полосы и разделишь их на два равных участка. Я по крайней мере сделал бы так, если бы эта пашня попала в мои руки.

- И я поступлю так же, - ответил Манц. - Для одной пашни участок слишком велик. Кстати, вот что я хотел тебе сказать: на днях ты, как я заметил, заехал наискосок в нижнюю часть пашни, которая теперь принадлежит мне, и отхватил порядочный клин. Может быть, ты сделал это, рассчитывая, что купишь всю пашню и этот кусок тогда все равно останется за тобой. Но теперь, когда пашня моя, ты, я полагаю, согласишься, что этот несуразный горб мне ни к чему и я не потерплю его, и ты не будешь, надеюсь, против, если я выровняю полосу. Не станем же мы спорить из-за этого!

Марти так же хладнокровно ответил:

- И я не вижу, о чем нам спорить. Ты купил пашню, надо думать, в таком виде, как она есть, мы только что все вместе осматривали ее, а за какой-нибудь час времени она ни на волос не изменилась.

- Чепуха! - сказал Манц. - Не станем ворошить того, что было. Но что чересчур, то чересчур, и ведь по всем должен быть, наконец, какой-то порядок. Все три пашни с незапамятных времен лежали ровно, будто их вычертили по линейке. Довольно странная шутка с твоей стороны так глупо и не к месту вдвинуть между пашнями какую-то закорючку. Только людям на посмешище! Этот кривой хвостик надо убрать во что бы то ни стало.

Марти засмеялся и сказал:

- Как ты вдруг испугался людских пересудов! Но ведь дело поправимое, мне эта загогуля не мешает нисколько; если она тебя раздражает, выровняй, пожалуй, полосу, но не с моей стороны. Голову свою прозакладываю, что этому не бывать.

- Оставь эти шутки, - сказал Манц, - пашню я выровняю, и непременно с твоей стороны, можешь быть спокоен.

- Поживем - увидим, - сказал Марти, и оба разошлись, не глядя друг на друга; напротив, они смотрели теперь в разные стороны, куда-то вдаль, как бы обозревая некую достопримечательность, которую надо было разглядеть во что бы то ни стало и каких бы душевных сил это ни стоило.

Уже на следующий день Манц послал на пашню батрака, поденщицу и своего сына Сали, наказав им вырвать сорняки и кустарник и сложить все в кучу, чтобы удобнее было вывозить камни.

То, что он, несмотря на возражения матери, послал на поле вместе с другими своего мальчика, еще никогда не работавшего - ему едва минуло одиннадцать лет, - означало какую-то перемену в его характере. Слушая суровые и назидательные слова, произнесенные

им при этом, можно было подумать, что строгостью к собственной плоти и крови он стремился заглушить сознание совершенной несправедливости, плоды которой теперь начинали медленно созревать. А тем временем посланная в поле молодежь беспечно и весело выпалывала сорные травы и вырывала с корнем причудливые кусты и растения, бурно разросшиеся здесь за многие годы. Так как это была необычная, можно сказать - вольная работа, не требовавшая ни навыков, ни тщательности, она всем казалась просто забавой. Высохшие от солнца буйные сорняки были собраны в кучу, сожжены под веселые возгласы, дым от костра распространился далеко по окрестности, и молодые люди прыгали в его клубах как одержимые. Это был последний радостный праздник на злополучном поле, и маленькая Френхен, дочь Марти, тоже очутилась там и усердно помогала соседям. Необычность этого происшествия и веселая кутерьма были удобным поводом для встречи с товарищем детских игр, и дети счастливо и беззаботно играли у костра. Пришли сюда и другие дети - собралось очень шумное общество, но как только друзей разъединяли, Сали опять устремлялся к Френхен, а та тоже всякий раз ухитрялась снова пробраться к нему, не переставая радостно улыбаться, и обоим казалось, что этому прекрасному дню не может и не должно быть конца. К вечеру старый Манц пришел посмотреть, много ли они наработали, и хотя все уже было сделано, выбрал их за то, что они забавляются, и разогнал всю компанию. Тут показался на своем участке Марти и, увидев дочь, так резко и повелительно свистнул, вложив в рот пальцы, что она в испуге бросилась к нему, и он, сам не зная за что, надавал ей пощечин, так что оба - и мальчик и девочка - возвращались домой плача, в глубокой печали, и оба не знали, отчего им так грустно, как не знали, отчего им только что было так весело. Непривычная суровость отцов была еще непонятна этим простодушным созданиям и не могла взволновать их более глубоко.

В последующие дни, когда Манц приказал убрать и свезти с пашни камни, работа пошла уже более тяжелая, требовавшая мужской силы. Казалось, что камням не будет конца, словно их натащили сюда со всего света. Однако Манц приказал не увозить их с поля совсем, а сбрасывать на том спорном треугольном клине, который Марти уже успел тщательно вспахать. Манц заранее провел между пашнями прямую межу и теперь свалил на этот клочок земли все камни, которые они оба с незапамятных времен швыряли на пустырь, так что образовалась внушительная пирамида, убирать которую, как думал Манц, противник не станет. Этого Марти ожидал меньше всего. Он полагал, что сосед будет орудовать по-прежнему плугом, и выжидал поэтому, пока тот выйдет на полосу пахать. О замечательном памятнике, воздвигнутом Манцем, он услышал, когда дело было уже почти сделано; в бешенстве кинулся он в поле, увидел приготовленный ему подарок, помчался назад и привел с собой старосту общины, чтобы прежде всего заявить протест против сваленной на его земле кучи камней и наложить судебный арест на этот клочок земли. С того дня оба крестьянина затеяли тяжбу и не успокоились до тех пор, пока не разорились дотла.

Эти обычно благоразумные люди теперь оказались во власти мелких, как труха, мыслей: каждый из них был преисполнен самого туманного представления о своем праве и не хотел, да и не был в состоянии понять, как это другой стремится так явно незаконно присвоить себе спорный клочок земли. Манца, кроме того, одолела страсть к симметрии и параллельным линиям, и его глубоко оскорбляло сумасбродное упорство Марти, настаивавшего на сохранении за ним этой нелепейшей, вздорной закорючки. Оба, однако, были убеждены в том, что если другой так нагло и грубо обманывает противника, значит, он считает его презреннейшим болваном, потому что так поступать можно с каким-нибудь слабым, беспомощным малым, а не с человеком решительным, умным, готовым к отпору; каждый, как ни странно, полагал, что затронута именно его честь, и с безудержной страстностью отдавался возникшей распре, идя навстречу неизбежному разорению.

Жизнь их с этих пор уподобилась кошмару, терзающему двух обреченных, которые, носясь на узкой доске по бурной реке, набрасываются друг на друга, но, промахнувшись, бьют и уничтожают самих себя, в полной уверенности, что схватились со своей бедой. И так как дело их было несправое, они стали жертвами ловких мошенников, которые со страшной

силой раздували их большую фантазию, словно гигантский пузырь, наполненный никому не нужной дрянью. В особенности эта распря была на руку спекулянтам города Зельдвилы, и вскоре у каждой тяжущейся стороны оказалась куча посредников, доносчиков, советчиков, которые на сотни ладов ухитрялись выматывать у них наличные денежки. Клочок земли с грудой камней, среди которых снова разросся целый лес крапивы и чертополоха, был только зародышем или первопричиной запутанной истории, перевернувшей весь уклад жизни двух пятидесятилетних крестьян, у которых теперь появились новые привычки и обычаи, новые правила и надежды, ранее им незнакомые. Чем больше денег они теряли, тем сильнее желали раздобыть их, чем беднее становились, тем упорнее мечтали разбогатеть, опередив своего противника. Их можно было завлечь любым мошенническим приемом: они, например, из года в год участвовали во всех заграничных лотереях, наводнявших Зельдвилу билетами, но выигрыш - хотя бы в какой-нибудь талер они и в глаза не видывали, а только постоянно слышали о том, что выигрывают другие и что сами они чуть-чуть было не выиграли. Между тем из-за этой страсти деньги у них систематически уплывали. Время от времени зельдвильцы забавлялись тем, что заставляли обоих крестьян, помимо их ведома, покупать доли одного и того же лотерейного билета, так что оба, в своей надежде раздавить и повергнуть в прах противника, делали ставку на один и тот же билет. Половину своего времени они проводили в городе, где у каждого была штаб-квартира в каком-нибудь кабаке, и каждого легко было разжечь и склонить к самым нелепым издержкам, к жалкому, безобразному кутежу, причем втайне у них у самих сердце обливалось кровью, так что оба, уйдя с головой в эту распря для того, чтобы не прослыть дураками, на деле именно первостатейными дураками и оказались и всеми за таковых и почитались. Остальное время они проводили в мрачном безделье или набрасывались на работу, пытаясь неистовой спешкой и грубым понуканием наверстать упущенное, и отпугивали этим честных и надежных батраков. Так они стремительно катились вниз, и не прошло десятка лет, как оба основательно запутались в долгах и стояли, словно аисты, на одной ноге у порога своих владений, откуда их могло смести любое дуновение ветра. Но как бы там ни было, вражда между ними все возрастала; ведь каждый видел в другом виновника своей горькой судьбины, извечного и окончательно потерявшего разум врага, которого дьявол намеренно произвел на свет с целью погубить противника. Стоило им издали увидеть друг друга, как они начинали плевать; никто из членов их семей не смел, под страхом жестоких побоев, перекинуться словом с женой, ребенком или батраком врага.

Жены их по-разному переносили этот упадок и обнищание. Жена Марти, женщина от природы хорошая, не выдержала этого разорения, зачахла и умерла от горя, прежде чем ее дочь достигла четырнадцати лет. Жена Манца, напротив, приспособилась к изменившемуся положению, и, чтобы оказаться ненадежной спутницей жизни, ей только надо было дать волю некоторым присущим ей женским слабостям, которые превратились в пороки. Ее чревоугодие выросло в дикое обжорство; словоохотливость - в насквозь фальшивую лживость и злословие; она непрестанно говорила как раз противоположное тому, что думала, все и всех натравливала друг на друга и втирала очки собственному мужу. Ее прежняя откровенность, склонность к более или менее невинной болтовне превратилась в закоренелое бесстыдство, ей ничего не стоило лгать и фальшивить, и, таким образом, вместо того, чтобы подчиняться мужу, она сама водила его за нос. Если он бесчинствовал, то и она пускалась во все тяжкие, ни в чем себя не стесняя, и выказала себя во всей красе как нерадивая хозяйка приходящего в упадок дома.

Плохо жилось и бедным детям, у которых не было ни надежд на будущее, ни радостной, беззаботной юности, ибо кругом них были одни заботы и дразни. Положение Френхен, по-видимому, было более тяжелым, так как мать ее умерла и она одиноко росла в опустевшем доме, в полной зависимости от произвола одичавшего отца. В шестнадцать лет она была уже стройной, хорошенькой девушкой; ее темно-каштановые волосы крутыми завитками спускались почти на самые глаза, блестящие и карие; густая, алая кровь пробивалась сквозь щеки смуглого лица и сверкала на свежих губах таким ярким пурпуром,

какой не каждый день увидишь, и это придавало смуглой девочке своеобразный вид, выделяя ее среди других. Пылкая жизнерадостность и веселость, казалось, трепетали в каждой ее жилке; она смеялась и готова была шутить и играть, как только выдавался погожий денек, если, конечно, ее не очень мучили и на нее не сваливалось слишком много забот. Но заботы терзали ее достаточно часто: ей приходилось не только делить с отцом горе и все возраставшую нужду, но надо было подумать и о себе; ведь ей хотелось поприличнее и поопрятней одеться, а отец не давал никаких средств. С величайшим трудом удавалось Френхен раздобыть себе самое скромное праздничное платьице и несколько пестрых, почти ничего не стоящих косынок. Красивая, цветущая девушка чувствовала себя крайне униженной, пришибленной и, уж конечно, чужда была всякого высокомерия. Кроме того, она уже в сознательном возрасте видела страдания и смерть матери, и это воспоминание стало уздой, сдерживавшей ее веселый, пылкий нрав; поэтому было приятно и трогательно видеть, как это милое дитя готово было, несмотря ни на что, развеселиться и улыбнуться при первом же луче солнца.

Сали, на первый взгляд, жилось как будто не так трудно; он стал красивым и сильным парнем, умевшим за себя постоять, и самая его манера держаться уже исключала возможность плохого обращения с ним. Он, конечно, видел, как разваливалось хозяйство родителей, и смутно припоминал, что так было не всегда; более того - в его памяти даже сохранился прежний облик отца, крепкого, умного, спокойного крестьянина, того самого отца, который теперь вел себя как старый дурак, смутьян и лодырь, буянил, хвастался, брался за сотни нелепых и подозрительных дел и с каждым шагом пятился, словно рак, все назад и назад. Если это и не нравилось Сали и часто наполняло его чувством стыда и горя, - хотя он по своей неопытности не понимал, как это могло случиться, - то тревога его усыплялась лестью, которую расточала ему мать. Чтобы без помехи предаваться своим дурным склонностям и привлечь сына на свою сторону, да и чванства ради, она удовлетворяла все его желания, одевала опрятно и щеголевато и потакала всему, что он затевал для своего удовольствия. Он принимал все это, не изъявляя большой благодарности, потому что мать слишком много болтала и лгала; не находя в том особой радости, он вяло и без раздумья делал все, что ему нравилось, впрочем, ничего плохого, так как пример стариков еще не испортил его и он испытывал юношескую потребность в простой, спокойной и добропорядочной жизни. Он был почти такой же, как его отец в юном возрасте, и это внушало старику невольное уважение к сыну, в котором он, человек с нечистой совестью и мучительными воспоминаниями, чтит свою собственную молодость. Несмотря на свободу, предоставленную ему, Сали все же не чувствовал себя счастливым и, конечно, понимал, что впереди у него нет ничего хорошего, да ничему хорошему он и не научился, так как в доме Манца уже давно и помину не было о какой-нибудь толковой и разумной работе. Поэтому он утешался главным образом тем, что кичился своей независимостью и пока еще безупречной репутацией и, преисполненный гордости, жил изо дня в день, без оглядки на будущее.

Единственное, что ему навязывали, - это отцовскую вражду ко всему, что носило имя Марти или напоминало о нем. Но он знал лишь то, что Марти причинил отцу какой-то ущерб и что семья Марти настроена так же враждебно по отношению к ним, поэтому для него не составляло труда не встречаться с Марти и его дочерью и самому делать вид, что он растет их врагом, хотя и довольно безобидным. Френхен же, которая терпела много больше, чем Сали, и чувствовала себя дома гораздо более одинокой, менее склонна была к вражде, но думала, что щеголеватый и счастливый на вид Сали просто презирает ее; поэтому она пряталась от него и, если он появлялся где-либо поблизости, поспешно убегала, а он даже не давал себе труда взглянуть на нее. Случилось так, что Сали уже несколько лет не видал девушку вблизи и не знал, как она выглядит взрослой. И все же временами он живо интересовался ею, и, когда заходила речь о семействе Марти, Сали невольно в без всякой ненависти думал только о дочери, чей облик он лишь смутно представлял себе теперь.

Однако его отец Манц, первым из двух обнищал вконец и остался без крова. Это

объяснялось тем, что у него была жена, которая помогала ему разоряться, да и на сына приходилось расходоваться, тогда как Марти был в своем непрочном царстве единственным расточителем, а его дочь лишь работала, как домашнее животное, но не смела тратить на себя. Манц же ничего лучше не придумал, как переселиться, по совету своих зельдвильских доброжелателей, в город и открыть там трактир. Всегда грустно видеть, как бывший крестьянин, состарившийся на земле, переезжает с остатками своего скарба в город, чтобы открыть там кабак или трактир, этот последний якорь спасения, и разыгрывать приветливого и расторопного хозяина в то время, как на душе у него совсем не так радостно. Лишь когда семья Манца выезжала со двора, люди увидели, в какую нищету они впали: воз был нагружен одной только старой, полуразвалившейся домашней рухлядью, и было ясно, что в хозяйстве уже много лет ничего не обновлялось и не приобреталось. Тем не менее жена вырядилась в свои лучшие одежды и бодро уселась на возу поверх этого хлама, презрительно, как будущая горожанка, оглядывая односельчан, которые с состраданием наблюдали из-за плетней приготовления к переезду, сулившему так мало хорошего. Она уже воображала, что своей обходительностью и умом очарует весь город и в качестве хозяйки солидного трактира справится с тем, с чем не сумеет совладать ее опустившийся муж.

На деле оказалось, что трактир, расположенный в каком-то маленьком закоулке, был жалким кабачком, разорившим уже старого арендатора, и зельдвильцы сдали его Манцу, которому еще причиталось с кого-то несколько сот талеров. Они, сверх того, продали ему пару бочонков разбавленного вина и всю утварь кабачка - дюжину простых белых графинов, дюжину стаканов и несколько еловых столов и стульев, выкрашенных когда-то в ярко-красную краску, а теперь во многих местах облупившихся. Перед окном на крюке гремел железный круг, а внутри круга сделанная из жести рука наливала красное вино из бочонка в стакан; над входной дверью, кроме того, висел высохший куст остролистника; все это Манц получил заодно с арендой. Он не был настроен так радужно, как его жена; погоня тощих кляч, которых ему одолжил новый владелец его двора, он был полон дурных предчувствий и затаенной злобы. Последний еще остававшийся у него захудалый батрак несколько недель тому назад ушел от него. Съезжая таким образом со двора, он увидел Марти, который с насмешливым и злорадным видом топтался неподалеку от дороги. Манц стал осыпать его ругательствами, считая его единственным виновником своего несчастья, Сали же, как только воз тронулся, прибавил шагу, опередил лошадей и отправился в город один, окольной дорогой.

- Вот и приехали! - сказал Манц, когда воз остановился у дверей кабачка. Жена испуганно вскрикнула: уж больно убогим оказался этот кабачок! Люди поспешно бросились к окнам и на улицу, чтобы поглазеть на нового трактирщика-деревенщину, и с высоты своего превосходства, которое давало им звание зельдвильцев, строили насмешливо-жалостливые физиономии. Серdito, с мокрыми от слез глазами, сползла Манциха с воза и побежала в дом, приняв гордое решение, хоть язык у нее и чесался, сегодня больше не показываться на улице: она стыдилась своей жалкой утвари, снятых с воза полуразвалившихся кроватей. Было стыдно и Сали, но ему пришлось помогать отцу, и они представляли собой странное зрелище в этом переулке, куда скоро высыпали дети разорившегося предшественника Манца, потешаясь над нищим мужичьем. Еще более неприглядно было в доме, напоминавшем настоящий разбойничий вертел. От плохо побеленных стен отдавало сыростью; кроме темной, унылой комнаты для посетителей с некогда ярко-красными столами, в доме были еще только две плохонькие каморки, а прежний трактирщик оставил во всех углах отчаянную грязь и кучи мусора.

Так началась их жизнь, и так она продолжалась. В первые недели, в особенности по вечерам, еще набиралась, бывало, кучка посетителей за одним столом - поглазеть на трактирщика из мужиков, в надежде позабавиться на его счет. В самом трактире было мало занятного: Манц был неуклюж, неповоротлив, угрюм и уныл, он не знал, да и не хотел знать, как держать себя. Медленно и неловко наполнял он кружки, мрачно ставил их перед гостями, пытался выжать из себя хоть слово, но ничего у него не выходило. С тем большим усердием

старалась завязать разговор его жена, и действительно ей удалось сначала на несколько дней удержать посетителей, но совсем по другой причине, не той, что она думала. Дородная женщина сочинила домашний наряд, в котором считала себя неотразимой. Она надевала деревенскую юбку из некрашеного полотна, старый зеленый шелковый лиф, ситцевый фартук и дешевенькую белую косынку. Свои поредевшие волосы она потешно закручивала на висках "улитками", а в косичку, заложенную на затылке, втыкала высокий гребень. Так она вертелась и юлила вокруг гостей, стараясь быть грациозной, забавно поджимала губы, силясь придать им сладкое выражение, вприпрыжку подбегала к столам и, подавая стакан или тарелку с соленым сыром, улыбалась и несла всякую чепуху.

- Вот как! Так, так! Великолепно, прекрасно, господа, - приговаривала она, но хотя язычок у нее был и бойкий, ей не удавалось теперь выжать из себя даже крупицу остроумия, так как она была здесь чужой и не знала местных людей. Зельдвильские подонки, околачивавшиеся в трактире, прикрывали рот рукой, задыхаясь от смеха, толкали под столом друг друга ногой и восклицали:

- Тьфу, пропасть! Ну и штучка!

- Прелесть! - говорил другой. - Разрази меня гром! На такую стоит прийти полюбоваться. Давненько мы такой не видывали!

Ее муж, мрачно наблюдавший за ней, замечал это, толкал ее в бок и шептал:

- Что ты делаешь, старая корова?

- Не мешай мне, - с сердцем отвечала она. - Не видишь, остолоп, как я стараюсь и как умею обходиться с людьми? Но это все голытьба, твоего поля ягода, дай срок, скоро сюда повалят гости познатнее.

Вся эта сцена освещалась одной-двумя тонкими сальными свечками; Сали, их сын, уходил в темную кухню, садился на лежанку и плакал, страдая за мать и отца.

Гости, однако, скоро пресытились зрелищем, которое являла собой милейшая фрау Манц, и стали опять собираться там, где им было приятнее и где они могли посмеяться над странным трактиром; лишь изредка заходил сюда одинокий посетитель, выпивал стаканчик и, зевая, оглядывал стены, или невзначай вваливалась целая банда, минутной суетой и шумом вызывая у бедных людей обманчивые надежды. Жутко было им в этом каменном закутке, куда едва заглядывало солнце, и Манцу, который раньше целыми днями околачивался в городе, теперь рта жизнь в четырех стенах казалась невыносимой. Вспоминая просторы полей, он то впивался мрачно-задумчивым взором в потолок или в пол, то выбегал через узкие двери дома на улицу, то опять возвращался, так как соседи пилили глаза на "злого трактирщика", как они уже успели прозвать его.

Немного прошло времени, и Манцы окончательно обнищали. У них не осталось ничего: чтобы поесть, им приходилось ждать, пока кто-нибудь заглянет к ним и заплатит несколько мелких монет за стакан еще остававшегося в запасе вина; если же гость требовал колбасы или чего-нибудь еще, это вызывало целый переполох и им стоило величайшего труда раздобыть необходимое. Скоро уже у них и вина оставалось только в большом графине, который они держали припрятанным и тайком наполняли в чужом кабаке; и вот, без хлеба и без вина, они разыгрывали любезных хозяев, а у самих нечего было есть. Они даже радовались, когда никто не заходил к ним, и прозябали в своем кабаке: не жили и не умирали.

Когда женщина поняла наконец всю безвыходность их положения, она сняла с себя зеленый лиф и снова преобразилась; как прежде она давала волю своим слабостям, так теперь она обнаружила и сумела развить в себе некоторые женские добродетели, ибо в доме поселилась нужда. Она проявляла терпение и старалась поддерживать своего старика и давать сыну добрые советы; во многих случаях она жертвовала собой и по-своему стремилась оказать на семью благотворное влияние; и хотя это влияние было неглубоко и мало улучшало их положение, все же это было лучше, чем ничего или что-либо другое, и по крайней мере помогало им влачить существование, которое в противном случае оборвалось бы гораздо раньше. Она научилась, в меру своего разума, давать совет в трудных

обстоятельствах, и если этот совет оказывался негодным и ни к чему хорошему не приводил, она безропотно переносила гнев мужа и сына; короче говоря, теперь, на старости лет, она стала делать все то, что принесло бы лучшие плоды в прежние годы.

Чтобы раздобыть себе пропитание и вместе с тем как-нибудь скоротать время, отец и сын занялись рыболовством, то есть завели удочки, которые никому не возбранялось закидывать в реку. Это и составляло одно из главных занятий разорившихся зельдвильцев. В благоприятную погоду, когда рыба хорошо клюет, можно было видеть, как зельдвильцы десятками тянулись за город с удочками и ведрами в руках, так что гулявшие на берегу реки на каждом шагу натывались на удильщика; один, в длинном коричневом сюртуке, сидел на корточках, опустив в воду босые ноги; другой, в синем хвостатом фраке, в надвинутой набекрень измятой фетровой шляпе, стоял на корневище старой ивы; еще подальше расположился рыболов, одетый, за неимением другого наряда, в рваный, затканый большими цветами шлафрок, держа длинную трубку в одной руке и удище в другой; а за изгибом реки можно было видеть старого, лысого толстяка, который стоял нагишом на камне и удил, и ноги его, несмотря на близость воды, были так черны, как будто он не снимал сапог. У каждого при себе имелся горшочек или коробочка, где копошились заранее заготовленные дождевые черви. Когда небо заволакивалось тучами, а душная, хмурая погода предвещала дождь, все эти рыболовы высыпали на берег и неподвижно, точно изображения святых и пророков в картинной галерее, выстраивались вдоль течения реки. Крестьяне равнодушно проезжали мимо них в своих телегах, на волах, лодочники даже не удостоивали их взглядом, а рыболовы тихонько брюзжали, так как лодки были для них помехой.

Если бы кто-нибудь предсказал Манцу двенадцать лет тому назад, когда он на прекрасной запряжке пахал землю на прибрежном холме, что в один прекрасный день и он попадет в компанию этих странных святых и станет, подобно им, удить рыбу, он здорово бы рассердился. И вот теперь он крался за их спиной, спеша вверх по течению, словно упрямая тень подземного мира, ищущая на мрачной реке удобного и уединенного местечка для отбывания наложенной на нее вечной кары. Вместе с тем ни у него, ни у сына из хватало терпения выстаивать часами с удочкой в руке, и они вспомнили, что в деревне крестьяне ловили рыбу иными способами, хватая ее в ручьях, когда она играет, прямо руками; поэтому они стали брать с собой удочки только для виду, а сами отправлялись на берега ручьев, в которых, как им было известно, водились дорогие и вкусные форели.

Тем временем оставшемуся в деревне Марти жилось все хуже и хуже, да и скучно ему было до крайности, и, вместо того чтобы работать на своем запущенном поле, он тоже пристрастился к рыбной ловле и целыми днями плескался в воде. Френхен не смела оставаться дома, ей полагалось, бросая самую неотложную работу, носить за отцом ведра и удочки в дождливую и солнечную погоду по мокрым лугам, через ручьи и лужи. Дома же, кроме нее, никого не было, да и не нуждалась она в батраке: ведь Марти уже потерял большую часть земли, а несколько оставшихся полос он обрабатывал кое-как с помощью дочери или вовсе не обрабатывал.

Случилось так, что однажды вечером, когда он шел вдоль довольно глубокого бурливого ручья, в котором форели прыгали особенно резво, потому что небо было затянуто грозowymi тучами, он неожиданно наткнулся на своего врага Манца, шедшего противоположным берегом. Как только Марти узнал его, ненависть и злоба вспыхнули в нем со страшной силой; уже много лет они не видели друг друга так близко, разве только в судах, где запрещалось браниться.

Марти в ярости воскликнул:

- Собака, что ты делаешь здесь? Голь зельдвильская! Сидел бы в своей трущобе.

- Скоро и ты пожуешь к нам, мошенник! - воскликнул Манц. - Вот и ты уже стал рыбу ловить, видно торопиться-то некуда!

- Молчи, висельник! - закричал Марти громко, потому что волны ручья шумели тут особенно сильно. - Это ты меня погубил!

И так как теперь от подымавшейся бури шумели и прибрежные ивы, Манцу пришлось

кричать еще громче:

- Уж и рад бы я был твоей гибели, дуралей!
- Собака! - орал Марти с одного берега.
- И глуп же ты, баранья башка! - отвечал Манц с другого.

Марти метался, как тигр, по берегу, силясь перебраться через ручей. Ой кипел злобой при мысли, что Манц в своем трактире по крайней мере ест и пьет досыта и даже ведет веселую жизнь, сам же он ни за что ни про что пропадает в своем разоренном хозяйстве. А в это время Манц, тоже достаточно взбешенный, шел по другому берегу, а за ним следовал его сын; не слушая этой злобной перебранки, он с любопытством и удивлением глядел на Френхен, которая шла за отцом, от стыда опустив глаза в землю, так что темные вьющиеся волосы падали ей на лицо. В одной руке она держала деревянное ведро для рыбы, в другой - башмаки и чулки, а юбку она подоткнула, чтобы не замочить ее. Заметив Сали на другой стороне, Френхен стыдливо опустила подол, страдая втрое: она несла рыболовные принадлежности, придерживала юбку и терзалась от стыда за бранившихся стариков. Если бы она подняла глаза и взглянула на Сали, то увидела бы, что от его щеголеватого и гордого вида не осталось следа и что сам он крайне удручен всем, что произошло. В это время пристыженная и растерянная Френхен потупила глаза, а Сали видел только стройную, прелестную, несмотря на горе и убогость одежды, девушку, смущенно и смиренно шедшую за отцом, и оба они не заметили, как старики вдруг притихли, а потом с еще большей яростью ринулись к переброшенному через ручей мостику, который они увидели невдалеке. Блеснула молния, причудливо осветила мрачные, унылые берега реки; когда в черно-серых тучах глухо и гневно заворчал гром и на землю упали тяжелые капли дождя, озверевшие крестьяне одновременно бросились к узенькому, зашатавшемуся под тяжестью их шагов мостику и сцепились друг с другом; бледные, дрожа от горя и злобы, они стали бить друг друга по лицу.

Горько и тяжело смотреть на степенных людей, когда им случится - из заносчивости, сгоряча или для самозащиты - ввязаться в драку со случайными встречными; но это безобидная игра по сравнению со страшным зрелищем, которое представляют два старых человека, в прошлом дружных меж собой, когда, движимые глубочайшей враждой и всем ходом своей жизни, они схватываются врукопашную и осыпают одна другого ударами. Так было с этими двумя седыми стариками; в последний раз, мальчишками, они тузили друг друга, быть может, пятьдесят лет тому назад и затем все эти пятьдесят лет и пальцем не тронули один другого, разве только в хорошие времена, здороваясь, обменивались рукопожатием, да и то, при сдержанности и сухости их характеров, не часто. Несколько раз ударив друг друга, они остановились и молча, дрожа от возбуждения, стали бороться, только время от времени выпуская стон или скрежеща зубами, и каждый через шаткие перила силился сбросить другого в воду. Но вот и дети добежали до мостика и увидели эту ужасную сцену. Сали одним прыжком подскочил к борющимся, чтобы поддержать отца и помочь ему расправиться с ненавистным врагом, который, впрочем, казался более слабым и уже был близок к поражению. Но и Френхен, бросив свою ношу, с громким криком устремила к ним и обхватила отца, чтобы защитить его, хотя этим только помешала ему и связала его движения. Слезы струей текли из ее глаз, и она умоляюще глядела на Сали, который как раз собирался накинуться на ее отца и окончательно сбить его с ног. И он невольно положил руку на плечо своего старика, пытаясь успокоить его и оттащить своими крепкими руками от противника, так что на мгновение борьба утихла, или, вернее, вся группа, не расходясь, беспокойно металась из стороны в сторону. Благодаря этому молодые люди, старавшиеся втиснуться между стариками, оказались рядом; в эту минуту последний яркий луч заходящего солнца осветил сквозь разорванные тучи лицо девушки, и Сали взглянул прямо в это хорошо знакомое и вместе с тем новое, похорошевшее лицо. В то же мгновение и Френхен заметила его изумление и, несмотря на страх и слезы, быстро улыбнулась ему. Сали, которого отец старался оттолкнуть от себя, опомнился и, крепко держа старика, настойчиво уговаривая его, оттащил наконец от врага. Старики перевели дух и снова стали

браниться и кричать; дети же, затаив дыхание, не проронили ни слова, но при расставании быстро и украдкой от родителей пожали друг другу руки, мокрые и холодные от воды и рыбы.

Когда, задыхаясь от злобы, старики наконец отправились по домам, тучи снова сомкнулись, тьма сгустилась еще сильнее, и дождь хлынул как из ведра. Манц брел впереди по темной мокрой дороге, съежившись под проливным дождем и засунув обе руки в карманы; его лицо вздрагивало, зуб на зуб не попадал, и никем не видимые слезы, которых он не стирал, чтоб не выдать себя, стекали по его небритым щекам. Но его сын, погруженный в блаженные грезы, ничего не видел; он шел, не замечая ни дождя, ни бури, ни мрака, ни горя, - все было легко, светло и тепло внутри и вокруг него, он чувствовал себя счастливым и богатым, словно сын короля. Перед ним все время мелькала улыбка, внезапно вспыхивавшая на склоненном к нему прекрасном лице, и только сейчас, спустя добрых полчаса, он отвечал на нее влюбленной улыбкой, вглядываясь сквозь ночь и непогоду в выступавшее повсюду из мрака милое лицо, и Френхен, думалось ему, непременно увидит эту улыбку и поймет ее.

На следующий день отец Сали чувствовал себя совершенно разбитым и не выходил из дому. Вся эта распря и долготелая нужда сегодня вдруг приняли новые, более ясные очертания и наполнили мраком душный кабачок, и оба, муж и жена, в страхе и изнеможении отшатываясь от встававших перед ними призраков прошлого, бродили по комнатам и кухне и снова возвращались в комнату для гостей, где не было ни одного посетителя. Под конец каждый забирался в свой угол, и целый день не прекращались докучливая перебранка и взаимные попреки; иногда они засыпали и вновь пробуждались, мучимые тревожными дневными сновидениями, которые подымались из глубины нечистой совести. Один Сали ничего не видел и не слышал - он думал о Френхен. У него все еще было такое чувство, будто он не только несказанно богат, но и постиг что-то очень важное и бесконечно прекрасное. Он и впрямь твердо уверовал в то, что увидел вчера. Эта уверенность словно с неба свалилась на него, и он пребывал в состоянии непрерывного счастливого изумления, и вместе с тем ему как будто с давних пор известно было то, что теперь наполняло его таким необычайно сладостным чувством. Ибо ничто не сравнимо с богатством и непостижимостью того счастья, которое приходит к человеку в ясном и четком образе существа, получившего при крещении имя, которое звучит иначе, чем все имена на свете.

В этот день Сали не чувствовал себя ни праздным, ни несчастным, не казался себе бедняком или отчаявшимся человеком; напротив, он всецело был поглощен тем, что непрерывно, час за часом, старался представить себе лицо и фигуру Френхен; но от этой лихорадочной деятельности облик девушки почти совершенно расплылся, так что Сали в конце концов показалось, что он и не знает, как по-настоящему выглядит Френхен; и хотя в памяти у него сохранился ее образ, по крайней мере в общих чертах, но если бы ему предложили описать ее, он не мог бы этого сделать. Сали постоянно видел перед собой этот образ, ощущал на себе его обаяние, но это было нечто, однажды мелькнувшее и заполнившее его, но все еще незнакомое. Не без удовольствия припоминал он в мельчайших подробностях черты лица прежней маленькой девочки, но не те, что он видел вчера. Если бы ему не довелось опять встретиться с Френхен, он сумел бы еще как-нибудь, силой воспоминания, восстановить милый образ девушки, так, чтобы не пропала ни одна черта ее лица. Но теперь память хитро и упорно отказывалась служить, глаза предъявляли свои права, требовали своей доли наслаждения, и когда солнце после обеда обдало теплым и ярким светом верхние этажи мрачных домов, Сали украдкой вышел из городских ворот и направился к родным местам, которые только теперь стали казаться ему раем с двенадцатью блестящими воротами; когда он подходил к деревне, у него сильнее забилося сердце.

Дорогой он встретил отца Френхен, который, по-видимому, направлялся в город. Вид у него был дикий и неряшливый, своей поседевшей бороды он не подстригал уже много недель и стал похож на озлобленного, отчаявшегося крестьянина, который упустил свою землю и теперь роет яму другому. Тем не менее, когда они встретились, Сали посмотрел на

него не с ненавистью, а с робостью и смущением, словно жизнь его находилась в руках Марти и он скорее готов был вымалывать у него эту жизнь, чем драться за нее. Марти же смерил его с ног до головы злобным взглядом и пошел своей дорогой. Это, впрочем, было на руку Сали, которому только теперь, когда он увидел, что старик ушел из деревни, стало ясно, зачем он сам явился сюда; и он до тех пор блуждал по старым знакомым тропкам и глухим закоулкам деревни, пока не очутился наконец против усадьбы Марти. Уже много лет он не видел этого места так близко; ведь даже когда они еще жили здесь, враждующие соседи старались не попадаться друг другу на глаза. Пораженный тем же упадком, который он, в сущности, видел и в родительском доме, Сали с удивлением смотрел на запустение, представившееся его взору. Земля Марти, кусок за куском, пропадала в залоге, и у него ничего не осталось, кроме домика, участка перед ним, крохотного сада и пашни у реки на пригорке, за которую он упрямо цеплялся из последних сил.

Но о правильном возделывании земли, конечно, нечего было и думать, и на полосе, которая прежде так красиво, колос к колосу, волновалась ко времени жатвы, теперь были посеяны и дали всходы остатки разных семян, заваливавшихся где-то в рваных мешочках и старых коробочках, - репа, капуста и немного картофеля, - так что поле напоминало запущенный огород, в котором было посажено всего понемножку, лишь бы кое-как перебиться: тут вырвать репку, если голоден и ничего лучшего не предвидится, там - кочан капусты или горсть картофеля, предоставив остальному гнить или разрастаться как попало. По полю слонялись все кому не лень, и прекрасный, обширный участок выглядел теперь почти так же, как когда-то выморочная полоса, от которой пошло все зло.

Поэтому и возле дома не видно было никаких следов крестьянского хозяйства. Стойла были пусты, дверь висела на одной петле, а у темного входа бесчисленные пауки-крестовики, отъевшиеся за лето, протянули блестящие на солнце нити паутины. В дверях открытого настежь амбара, куда прежде свозили урожай с добротной земли, висели убогие рыболовные снасти - своего рода свидетельство нелепой возни на воде; на дворе не было видно ни курицы, ни голубя, ни собаки, ни кошки; только колодец еще являл подобие жизни, но вода уже не струилась по трубе, а била из трещины в ней, над самой землей, оставляя повсюду лужицы, так что колодец как раз-то и был самым красноречивым символом праздности. Если бы отец приложил хоть немного труда, можно было бы заделать трещину и исправить трубу, а между тем Френхен выбивалась из сил, чтобы добыть из разрушенного колодца чистую воду для питья, и стирать ей приходилось в мелких лужах на земле, так как пользоваться рассохшимся, треснувшим корытом было невозможно.

Самый дом тоже поражал своим убожеством: окна были во многих местах разбиты и заклеены бумагой, оставаясь, впрочем, самым веселым пятном на фоне этого разорения; даже разбитые, стекла были чисто и хорошо, до блеска, вымыты и сияли так же ярко, как глаза Френхен, заменявшие бедной девушке все украшения. Кудрявые волосы и красные с желтым ситцевые косыночки так же шли к глазам Френхен, как к сверкавшим стеклам окон бурно разросшаяся ползучая зелень, которая беспорядочно вилась вокруг дома, - фасоль, поднимавшаяся волнистой стеной, и дикие заросли благоухающей желтофиоли. Фасоль цеплялась за что попало: здесь она вилась по ручке грабель или палке метлы, воткнутой в землю прутьями вверх, там ухватилась за изъеденную ржавчиной алебарду, или эспонтон, как ее называли в те времена, когда дед Френхен, будучи вахмистром, носил это оружие, которое она, за неимением чего-либо более подходящего, водрузила теперь среди фасоли, а здесь та же фасоль весело лезла вверх по сгнившей лестнице, с незапамятных времен прислоненной к дому, и свисала оттуда на сверкающие оконца, как кудри Френхен - на ее глаза. Этот двор, отличавшийся скорее живописностью, чем порядком, стоял несколько в стороне, поодаль от других. В это мгновение нигде не видно было ни души, поэтому Сали без всяких опасений прислонился к старому сараю, шагах в тридцати оттуда, и стал внимательно смотреть на безмолвный опустелый дом. Он довольно долго простоял так и все глядел, пока Френхен не вышла из дома и не устремила пристальный взгляд в пространство, как бы сосредоточив все мысли на одном предмете. Сали не двигался и не спускал с нее глаз.

Случайно взглянув в его сторону, она наконец заметила его. Некоторое время они всматривались друг в друга, словно в привидение. Сали наконец выпрямился и медленными шагами пошел через дорогу во двор, к Френхен. Он уже был возле девушки, когда она протянула к нему руки и сказала:

- Сали!

Он схватил ее за руки и стал, не отрываясь, смотреть на нее. Из глаз ее брызнули слезы, вся она густо покраснела под его взглядом.

- Что тебе нужно здесь? - спросила она.

- Только видеть тебя, - ответил Сали, - мы опять будем друзьями, не правда ли?

- А наши родители? - спросила Френхен, отвернув в сторону залитое слезами лицо, так как руки ее были заняты и она не могла закрыть его.

- Разве мы виноваты в том, что они сделали и чем они стали? - сказал Сали. - Может быть, мы только исправим зло, если будем дружно жить и любить друг друга.

- Хорошему не бывать, - с глубоким вздохом сказала Френхен, - ради бога, иди своей дорогой, Сали!

- Ты одна? - спросил он. - Нельзя ли мне войти на минуту в дом?

- Мой отец отправился в город, чтобы насолить твоему отцу, как он сказал, но войти тебе нельзя: ведь потом, пожалуй, не удастся уйти незаметно. Теперь еще все тихо, на дороге никого нет, прошу тебя, уходи!

- Нет, я не уйду; со вчерашнего дня я все думаю и думаю о тебе, и не уйду я так, нам надо поговорить хоть полчаса, хоть часок - так будет лучше для нас.

Френхен с минуту подумала и сказала:

- Вечером я схожу на нашу полосу, ты знаешь какую, у нас только она и осталась, - набрать немного овощей. Там никого не будет, все живут в другом месте; если хочешь, приходи туда, а теперь ступай и будь осторожен, как бы не встретить кого-нибудь. Хоть никто и не хочет здесь с нами знаться, все же пойдут пересуды, и отец обо всем узнает.

Они отошли друг от друга, но тут же снова взялись за руки и одновременно спросили:

- А как же тебе живется?

Но вместо того чтобы ответить, они снова повторили свой вопрос, а ответ можно было прочитать в их глазах. Как и все влюбленные, они утратили способность управлять своей речью и, не сказав ничего больше, полусчастливые, полупечальные, оторвались наконец друг от друга.

- Я скоро приду, ступай прямо туда! - крикнула ему вдогонку Френхен.

Сали тотчас же поднялся на чудесный тихий холм, по которому тянулись две пашни, и впервые за много лет прекрасное спокойное июльское солнце, белые облака, плывущие над волнами спелой ржи, сверкающая синева реки внизу наполнили его не печалью, а счастьем и покоем, и он блаженно глядел на небо, растянувшись во весь рост в прозрачной, легкой тени колосьев там, где они вплотную подходили к запущенному полю Марти.

Хотя до прихода девушки прошло не более четверти часа и он все это время думал только о своем счастье и о том, каким именем оно зовется, улыбнувшись Френхен все же предстала перед ним неожиданно, и он вскочил, радостно испуганный.

- Фрели! - воскликнул он, и она с тихой улыбкой протянула ему обе руки, и они пошли, почти не разговаривая, рука об руку, вдоль шелестящих колосьев, вниз до реки и обратно; два или три раза они проделали тот же путь, сосредоточенные, спокойные, счастливые, и эта дружная пара походила теперь на созвездие, появляющееся над солнечным куполом холма и исчезающее за ним, как некогда походили на два светила их отцы, уверенно шагавшие за плугом.

Но когда они случайно отвели взгляд от голубых васильков, к которым были прикованы их глаза, то неожиданно увидели перед собой другую, мрачную, звезду - черномазого парня, который неведомо как очутился впереди. По-видимому, он лежал раньше во ржи. Френхен вздрогнула, а Сали испуганно сказал:

- Черный скрипач!

В самом деле, парень, шедший впереди, нес под мышкой скрипку и смычок; он весь был какой-то особенно черный. Черны были не только войлочная шапчонка и вымазанная в саже куртка, черны, как деготь, были волосы, черна нестриженная борода; да и лицо и руки у него почернели от копоти, потому что он занимался разными ремеслами - по большей части лудил кастрюли и помогал угольщикам и смолокурам в лесах, а на скрипке играл только при случае, когда крестьяне пировали или справляли какой-нибудь праздник. Сали и Френхен тихонько шли вслед за ним, надеясь, что он уйдет с поля и скроется, не оглянувшись; казалось, так оно и будет, потому что он делал вид, будто вовсе не замечает их. А они, как замороженные, не осмеливались сойти с узкой тропинки и невольно следовали за парнем, который внушал им безотчетный страх, до самого конца поля, где лежала злополучная груда камней, все еще покрывавшая спорный клинышек пашни. На маленькой горке разрослось множество дикого мака, и вся она поэтому казалась в эту пору огненно-красной. Вдруг черный скрипач одним прыжком вскочил на одетую в красное одеяние кучу камней, обернулся и огляделся вокруг. Парочка остановилась и в смущении глядела на черного парня; пройти вперед мимо него они не могли, так как дорога вела в деревню, а повернуть обратно у него на глазах им тоже не хотелось. Он окинул их пронзительным взглядом и воскликнул:

- Я знаю вас: вы дети тех, кто украл у меня вот эту землю! Приятно видеть, до чего вы дошли. Надеюсь дожить и до того часа, когда вы отправитесь на тот свет. Взгляните-ка на меня, воробушки! Как вам нравится мой нос, а?

Нос у него в самом доле был страшный. Он резко выделялся на черном худом лице, похожий на большой угломер или, вернее, на основательных размеров затычку либо деревянный обрубок, прилепнутый к этому лицу, а под носом круглился странно поджатый рот, который беспрестанно пыхтел, шипел, свистел. Жуткое впечатление производила к тому же его войлочная шапчонка, не круглая и не остроконечная, но такой странной формы, что, казалось, она все время меняет вид, хотя на самом деле она сидела на голове неподвижно; а от глаз этого парня были видны почти только одни белки, так как зрачки его беспрерывно с молниеносной быстротой перебегали с места на место, как петляющие зайцы.

- Взгляните на меня, - продолжал он, - ваши отцы хорошо меня знают, и всякий в этой деревне знает, кто я такой, стоит ему только взглянуть на мой нос. Много лет тому назад было объявление, что для наследника этой пашни хранятся кой-какие деньжонки; раз двадцать я заявлял свои права, но у меня нет свидетельства о рождении и о месте жительства, а показания моих друзей-бродяг, которые видели, как я родился, не принимаются в расчет. И вот законный срок уже давно истек, я потерял мои кровные денежки, с которыми я мог бы куда-нибудь переселиться. Я просил и молил ваших отцов показать, что они по чистой совести считают меня законным наследником, но они прогнали меня со двора, а теперь и сами отправились к черту! Вот! Такова жизнь! Мне что? Могу и на скрипке сыграть, если вам поплясать охота.

С этими словами он спрыгнул с кучи камней на противоположную сторону и направился к деревне, куда к вечеру свезли урожай и где люди поэтому были весело настроены. Когда он исчез, растерявшиеся и опечаленные молодые люди присели на камни; они разняли сплетенные руки и грустно поникли головами; появление скрипача и его слова вырвали их из состояния счастливого забытья, в котором они бродили, как дети, вверх и вниз по холму; сидя на жесткой куче камней, от которой пошло все их горе, они почувствовали, что веселый свет жизни померк и сердца их отяжелели, как эти камни.

Вдруг Френхен, вспомнив диковинную фигуру и нос скрипача, звонко расхохоталась:

- Какой смешной вид у этого бедняги! Что за нос у него!

И лицо девушки засветилось яркой, как солнце, радостью, словно она только того и дожидалась, чтоб воспоминание о носе скрипача прогнало унылые тучи. Сали взглянул на Френхен, на ее повеселевшее лицо. Но девушка уже забыла о причине этой веселости и просто смеялась без всякого повода, глядя на Сали. А он, смущенный и изумленный, продолжал невольно с улыбкой смотреть ей в глаза, подобно голодному, увидевшему

вкусный пшеничный хлеб, и воскликнул:

- Боже, Фрели, до чего ты красива!

Френхен опять рассмеялась, и смех вырвался из ее горла несколькими звонкими короткими радостными трелями, которые звучали для бедного Сали как пение соловья.

- Ах ты колдунья! Где ты научилась этому? Что это за колдовство?

- Ах, боже милостивый! - ласково сказала Френхен и взяла руку Сали. Это вовсе не колдовство. Как давно хотелось мне посмеяться! Прежде, бывало, когда я оставалась одна, я невольно смеялась над чем-нибудь, но это совсем не то; теперь же, когда я смотрю на тебя, я готова смеяться всегда, вечно. А смотреть на тебя я тоже готова вечно. Любишь ты меня немножко?

- О Фрели! - сказал он, преданно и нежно взглянув ей в глаза. - Я никогда еще не засматривался ни на одну девушку, мне всегда казалось, что когда-нибудь я полюблю тебя. И сам я не знаю, как ты запала мне в душу.

- А ты мне, - сказала Френхен, - больше, чем я тебе; ведь ты никогда на меня не смотрел и не знал, какая я стала; я же тебя видала издалека и даже иной раз украдкой разглядывала вблизи и всегда знала, какой ты. Помнишь, как часто мы приходили сюда детьми? Помнишь колясочку? Какие малыши мы были тогда, и как давно это было! Можно подумать, что мы уже совсем старики!

- Сколько тебе лет теперь? - спросил довольный и веселый Сали. Наверно, семнадцать?

- Семнадцать с половиной, - ответила Френхен, - а тебе? Впрочем, я знаю: тебе скоро минет двадцать.

- Откуда ты знаешь? - спросил Сали.

- Так я и скажу тебе! Как бы не так!

- Не скажешь?

- Нет.

- Ни за что?

- Нет, нет!

- Скажи!

- Уж не заставишь ли ты меня?

- Посмотрим.

Сали вел эту несложную беседу, чтобы дать волю рукам, и под видом наказания осыпал красивую девушку неуклюжими ласками. Она, обороняясь, тоже терпеливо поддерживала этот нелепый спор, который, несмотря на всю бессодержательность, казался молодым людям остроумным и сладостным, пока наконец Сали не разгорячился и не осмелел до того, что завладел руками Френхен и повалил ее на цветы мака. И она лежала, щуря от солнца глаза; ее щеки пылали, как пурпур, сквозь полуоткрытый рот сверкали два ряда белых зубов. Темные брови красиво сдвигались, порывисто поднималась и опускалась молодая грудь, на которой сплетались, лаская или отталкивая друг друга, две пары рук. Сали не знал, что и делать от радости, видя перед собою это стройное, красивое существо, которое он мог считать своим: ему казалось, что он владеет целым королевством.

- Все твои белые зубы еще при тебе? - спросил он смеясь. - Помнить, как часто мы когда-то считали их? Теперь ты уже научилась считать?

- Ведь это уже не те зубы, глупый, - ответила Френхен, - те давно выпали.

Простодушный Сали хотел было снова возобновить прежнюю игру и сосчитать блестящие жемчужины зубов, но Френхен вдруг закрыла алый рот, поднялась и стала плести венок из красных маков, а потом надела его на голову. Венок был пышный, он придавал смуглой крестьянке сказочно-пленительный вид, и бедняк Сали держал в своих объятиях то, за что дорого заплатили бы богачи, если бы имели возможность любоваться этим хотя бы на картине у себя на стене. Внезапно Френхен вскочила и закричала:

- Господи, как здесь жарко! А мы, как дураки, сидим здесь, в этом пекле! Пойдем, милый, в высокую рожь!

Они так ловко и бесшумно скользнули туда, что почти не оставили за собою следа, и,

словно в тесной каморке, устроились среди золотых колосьев, высоко подымавшихся над их головами, так что над собою они видели лишь яркое голубое небо и ничего больше во всем мире. Они обнялись и стали, не теряя времени, целоваться, и целовались так долго, пока в конце концов не устали, если можно назвать усталостью состояние, когда поцелуи двух влюбленных, как бы изжив себя, замирают на одну-две минуты и среди упоения, в полном расцвете жизни, появляется предчувствие бренности всего земного. Они слышали, как, паря высоко над ними, поют жаворонки, и искали их в воздухе своими зоркими глазами, а когда им казалось, что они увидели, как птица на мгновение блеснула на солнце, подобно внезапно засветившейся в синем небе или упавшей звезде, они как бы в награду снова целовались и изо всех сил старались обчислить и обмануть друг друга.

- Смотри, вон там мелькнул жаворонок, - шептал Сали, а Френхен так же тихо отвечала:

- Слышу как будто, но не вижу его.

- А ты посмотри, взглядишь, вон там, где белое облачко, немного правее.

И оба усердно устремляли туда взоры, открывая пока что собственные клювы, словно молодые перепела в гнезде, чтобы без промедления снова впиться друг в друга, как только им представится, что они увидели жаворонка.

Вдруг Френхен остановилась и сказала:

- Значит, дело решенное? У тебя есть возлюбленная, а у меня возлюбленный, правда?

- Да, - сказал Сали. - мне тоже так кажется.

- Как тебе нравится твоя милая? - спросила Френхен. - Что это за особа? Что ты расскажешь мне о ней?

- Это преприятная особа, - сказал Сали, - у нее два карих глаза, алый рот, и ходит она на двух ногах. Но я знаю о ней меньше, чем о папе римском. А что ты расскажешь о твоём милом?

- У него два голубых глаза, никуда не годный рот и две сильные, дерзкие руки, но его мысли мне так же неизвестны, как мысли турецкого султана.

- Да, так оно и есть, - сказал Сали, - мы знаем друг друга так мало, как будто никогда не видались: такими чужими мы стали за долгие годы, пока росли. Чего только не передумала твоя головка, дорогая девочка?

- Ах, не много! В ней всегда шевелились тысячи глупых затей, но мне так трудно жилось, что из них ничего не выходило.

- Ах, бедная девочка! И все же, кажется мне, ты предогадливая, не правда ли?

- Это ты сам исподволь узнаешь, если и вправду любишь меня.

- Когда ты станешь моей женой?

При этих словах Френхен слегка вздрогнула, теснее прижалась к Сали и стала снова нежно его целовать; у нее навернулись слезы на глаза, и оба сразу приуныли, вспомнив о своём безнадежном будущем и о вражде между родителями.

Френхен вздрогнула и сказала:

- Идем, мне пора домой.

И они поднялись и рука об руку вышли из ржи, как вдруг увидели перед собой отца Френхен, который выслеживал их. После встречи с Сали он стал доискиваться с мелочной проницательностью досужего горемыки, зачем бы это парню понадобилось идти одному в деревню, и, вспомнив о вчерашнем происшествии, продолжал шагать в гору, пока наконец, под влиянием гнева и праздно злобы, не напал на верный след. Как только его подозрения окрепли, он сразу же, посреди улиц Зельдвилы, повернул обратно и поплелся в свою деревню, где тщетно искал дочь и в доме, и во дворе, и в кустах, окаймлявших изгородь. Любопытство его все возрастало, он побежал в поле и, заметив корзину, в которую Френхен обыкновенно собирала овощи, но не видя нигде самой девушки, стал искать ее во ржи, на ниве соседа, как вдруг навстречу ему вышли испуганные дети.

Они стояли точно окаменелые; остановился сначала и Марти, бледный как мел, бросая на них злые взгляды; затем он пришел в страшную ярость и, бранясь, размахивая руками,

ринулся в иступлении на молодого парня, чтобы задушить его. Сали, однако, увернулся и отскочил на несколько шагов, испуганный диким видом Марти, но тотчас опять подбежал, увидев, что старик бросился на дрожащую девушку, дал ей затрещину, от которой красный венчик слетел на землю, и, накрутив ее волосы на руку, потянул за собой, чтобы избить ее.

Боясь за Френхен и не помня себя от гнева, Сали схватил камень и ударил им старика по голове. Марти слегка пошатнулся и затем грохнулся без сознания на кучу камней, потянув за собой жалобно кричавшую Френхен; Сали же освободил волосы молодой девушки из рук лежавшего без чувств отца и поднял ее; затем он стал, словно статуя, беспомощный и без единой мысли в голове. Девушка, увидев, что отец лежит как мертвый, провела рукой по побледневшему лицу, задрожала и воскликнула:

- Ты убил его?

Сали безмолвно кивнул, и Френхен закричала:

- Боже милостивый! Ведь это мой отец! Бедняга! - и как безумная бросилась к отцу и подняла его голову, на которой, впрочем, не было следов крови. Она снова отпустила ее; Сали стал на колени по другую сторону Марти, и оба, безмолвные как могила, с повисшими, как плети, руками, смотрели на безжизненное лицо старика.

Чтобы нарушить молчание, Сали наконец произнес:

- Не мог же он так сразу умереть! Это еще надо выяснить.

Френхен сорвала лепесток дикого мака, приложила его к побелевшим губам отца, и листок слабо зашевелился.

- Он еще дышит! - закричала она. - Беги же в деревню за помощью!

Когда Сали вскочил, собираясь бежать, она протянула ему руку и позвала обратно.

- Не возвращайся сюда и не говори о том, что тут было, я тоже буду молчать, у меня ничего не выпытают, - сказала она, и лицо ее, обращенное к растерявшемуся парню, оросилось слезами. - Подойди, поцелуй меня еще раз! Нет, ступай, уходи! Все кончено навеки, нам не жить уже вместе.

Она оттолкнула его, и он покорно побежал в деревню. Ему повстречался незнакомый мальчик; он поручил ему позвать людей, живущих поблизости, и точно описал место, где нужна была помощь. Затем он в отчаянии удалился и всю ночь бродил по роще, в окрестностях деревни. Поутру он прокрался на пашню, чтобы разведать о состоянии Марти, и узнал из разговоров людей, вышедших ранним утром в поле на работу, что Марти еще жив, но лежит без сознания, и что все это очень странно: никто не знает, что с ним случилось. Только тогда Сали вернулся в город и укрылся в гнетущем мраке своего дома.

Френхен сдержала слово: она нашла отца в бессознательном состоянии только этого и могли добиться от нее, и так как на следующий день Марти стал поворачиваться и дышать, не приходя в сознание, и к тому же никто на выступил с обвинениями, то и порешили, что он в пьяном виде упал на камни, и не стали расследовать этого дела. Френхен ухаживала за ним и не отходила от него ни на шаг - разве только затем, чтобы принести лекарство от доктора или сварить себе жиденькую похлебку; она почти ничего не ела, хотя день и ночь была на ногах и никто не помогал ей.

Прошло около шести недель, пока к больному постепенно вернулось сознание; впрочем, он уже и до этого стал принимать пищу и чувствовал себя довольно бодро в постели. Но сознание, которое вернулось к нему, было не прежнее, и чем больше он говорил, тем становилось яснее, что он впал в слабоумие, и притом самого странного свойства. Он лишь смутно помнил о случившемся. Это было, казалось ему, нечто забавное и его не касавшееся; он беспрерывно смеялся, как дурачок, и был в прекрасном настроении. Лежа в постели, он удивлял всех нелепыми выходками, без конца сыпал бессмысленно веселыми словами, корчил рожи и напяливал свой черный шерстяной колпак на глаза и нос, который становился тогда похожим на гроб под черным покрывалом.

Бледная, утомленная Френхен терпеливо слушала отца, проливая слезы над его безумием, которое пугало бедное дитя еще сильнее, чем его прежняя злоба; но когда старик иногда выкидывал что-нибудь уж очень смешное, она, несмотря на свою муку, громко

смеялась, потому что ее подавленное горем существо всегда готово было выпрямиться, как натянутый лук, и развеселиться, хотя за этим и следовало еще более глубокое уныние. Но когда старик начал вставать, с ним уже не было никакого сладу: он делал одни только глупости, хохотал, слоняясь по дому, садился на солнышке, высовывал язык или произносил длинные речи, обращенные в пространство.

К тому времени он потерял последние остатки своего прежнего имущества, и разруха дошла до того, что и дом и последняя пашня, давно заложенные, были проданы с молотка. Крестьянин, купивший обе пашни, воспользовался болезнью и полным разорением Марти и быстро, решительно довел до конца старое дело о спорном участке, засыпанном камнями; проигранный процесс окончательно вырвал почву из-под ног Марти, хотя, впрочем, в своем безумии он и не понимал этого. Продажа с торгов состоялась; старика поместили на казенный счет в заведение для умалишенных, где содержались и другие несчастные, подобные ему. Оно находилось в главном городе той же провинции; здорового и прожорливого дурачка перед отъездом еще раз сытно покормили, усадили в запряженную волами повозку, в которой ехал в город бедняк крестьянин, чтобы заодно продать там мешок-другой картофеля. Френхен тоже села в повозку рядом с отцом, желая сопровождать его на последнем пути к погребению заживо. Это была печальная и тяжелая поездка, но Френхен внимательно следила за отцом, усаживала его поудобнее, не оглядывалась назад и не проявляла нетерпения, когда люди, замечая ужимки несчастного, бежали вслед за повозкою повсюду, где они проезжали. Наконец они добрались до обширного здания в городе, где по длинным коридорам, дворам и в уютном садике сновало множество таких же бедняк; все они были в белых халатах, а их глупые головы были покрыты грубыми кожаными колпаками. Старика Марти еще в присутствии Френхен нарядили в такую же одежду, и он радовался этому, как ребенок, и танцевал, припевая.

- Да благословит вас бог, почтенные господа! - крикнул он своим новым товарищам. - У вас тут прекрасно! Иди домой, Френхен, скажи матери, что я больше не вернусь, мне здесь нравится, ей-богу! Ура! Ура! Вот он, еж, у нас каков: он лает у ворот. Девушка, к черту стариков, для молодых твой рот! Все ручейки впадают в Рейн, так было, так останется. Чьи глаза черны, как сливы, та моя избранница! Ты уже уходишь, Фрели? Ты выглядишь, словно смерть в глиняном горшке, а ведь мне так весело! Лисица в поле кричит: галло, галло! У нее болит сердце: гого, гого!

Надзиратель прикрикнул на него, приказав молчать, и увел, чтобы занять какой-нибудь легкой работой, а Френхен отправилась разыскивать свою повозку. Она села на воз, вынула ломтик хлеба и, поев, заснула, а когда вернулся крестьянин, они отправились обратно в деревню. Приехали только ночью. Френхен вошла в дом, где она родилась и где ей позволили остаться всего лишь два дня; в первый раз в жизни она очутилась здесь в полном одиночестве. Она развела огонь, чтобы сварить кофе из последних остатков, и села на лежанку; уж очень ей было тяжело. В тоске и муке она ломала себе голову над тем, как бы ей увидеть Сали еще хоть один-единственный раз, и всеми своими помыслами была с ним; но забота делала еще горше тоску, а тоска - еще горше и тяжелее заботу... Так сидела она, подперев голову рукой, как вдруг кто-то вошел в открытую настежь дверь.

- Сали! - крикнула Френхен, взглянув на вошедшего; затем оба в испуге посмотрели друг на друга и в один голос воскликнули:

- Какой у тебя ужасный вид!

Сали был бледен и изможден не менее Френхен. Забыв обо всем, она притянула его к себе на лежанку.

- Ты болел, - спросила она, - или уж очень плохо тебе живется?

- Нет, я не болел, но извелся от тоски по тебе, - ответил Сали. - Наш дом теперь - полная чаша. У отца заезжий двор и притон для всякого пришлого сброда, и сдается мне, что он укрывает краденое. Теперь в нашем трактире раздолье, но, конечно, до поры до времени, пока не наступит ужасный конец. Мать помогает отцу из алчности, лишь бы хоть что-нибудь завелось в доме. К тому же ей кажется, что если за всем присмотреть и навести порядок, то и

срам прикроется и выгода будет. Меня не спрашивают, да я и не особенно об этом печалюсь; день и ночь я думаю только о тебе. Так как к нам заходят всякого рода бродяги, мы каждый день слышим, что у вас происходит, и мой отец как ребенок этому радуется. Узнали мы и о том, что твоего отца сегодня отвезли в больницу. Я подумал, что теперь ты одна, и пришел повидаться с тобой.

Френхен, в свою очередь, излила ему всю душу, рассказала обо всем, что ее угнетало и мучило, но слова так легко и доверчиво шли с языка, будто она описывала великое счастье; и в самом деле, она была счастлива, что Сали с ней. Тем временем она кое-как вскипятила в кастрюльке кофе и заставила Сали выпить его.

- Послезавтра тебе, значит, придется уйти отсюда? - сказал Сали. - Что же станет с тобой, боже милостивый!

- Не знаю, - промолвила Френхен. - Пойду в услужение, уеду отсюда. Я не выдержу разлуки с тобой, а стать твоей женой не могу - хотя бы уже потому, что ты ударил моего отца и по твоей вине он лишился рассудка. Это было бы плохое начало для нашего брака, и мы никогда бы не знали покоя!

Сали вздохнул.

- Я тоже сотни раз уже хотел уйти в солдаты или наняться в батраки на чужую сторону, но не могу уйти, пока ты здесь, да разлука все равно изведет меня. От горя моя любовь к тебе стала как будто еще крепче, мучительнее; это любовь не на жизнь, а на смерть. Я не знал, что можно так любить!

Френхен, улыбаясь, с любовью смотрела на него; оба они прислонились к стене и не говорили ни слова, молча отдаваясь счастливому чувству, которое взяло вверх над тоской: в величайшей беде они были дружны, были любимы. Затем они мирно заснули на неудобной лежанке, без подушки и перины, и спали так спокойно и безмятежно, как двое детей в колыбели.

Уже брезжил рассвет, когда Сали первый проснулся и со всей нежностью, на какую только был способен, стал будить Френхен; но девушка в сонной истоме снова и снова никла, склоняясь к нему, и никак не могла проснуться. Наконец он страстно поцеловал ее в губы, и Френхен поднялась, раскрыла глаза и, увидев Сали, воскликнула:

- Боже милостивый! Ты мне только что приснился! Снилось мне, что мы долго танцевали на нашей свадьбе, долго, долго. И были такие счастливые, нарядные, и ни в чем у нас не было недостатка. Наконец нам захотелось поцеловаться, мы так томились, но все время что-то разлучало нас, а теперь вот ты сам помешал нам, все расстроил! Но как хорошо, что ты здесь! - Она жадно обхватила его шею и стала без конца целовать. - А тебе что снилось? спросила она, глядя его щеки и подбородок.

- Мне снилось, что я иду лесом по длинной, длинной дороге, а впереди, вдалеке, идешь ты; время от времени ты оглядываешься на меня, киваешь мне и смеешься. И тогда мне казалось, что я в небесах. Вот и все!

Они вышли через кухонную дверь, которая оставалась все время открытой, прямо во двор, на свежий воздух, и невольно расхохотались, всмотревшись друг в друга: правая щека Френхен и левая Сали, прижатые во сне одна к другой, стали от этого совсем красные, а обе другие щеки еще более побелели от свежего ночного воздуха. Они стали нежно растирать друг другу холодные бледные щеки, чтобы вызвать на них краску; свежий воздух росистого утра, безмолвие и покой, объявившие всю деревню, едва занявшаяся заря принесли им радость и забвение; в особенности в девушку, казалось, вселился дух беззаботности.

- Завтра вечером мне придется, значит, покинуть этот дом, - сказала она, - и искать себе другой кров. Но прежде мне хотелось бы хоть раз только один раз! - от души повеселиться с тобой, где-нибудь долго и беззаботно танцевать, у меня из головы не идет, как мы танцевали во сне!

- Но что бы то ни было, я хочу быть возле тебя, - произнес Сали, - пока ты не найдешь себе пристанища, да и поплясать с тобой, любимая, мне тоже хотелось бы. Но где?

- Завтра в двух деревнях неподалеку отсюда храмовой праздник, - сказала Френхен. -

Там нас мало знают и меньше будут обращать внимание на нас. Я подожду тебя у реки, и мы пойдем, куда нам вздумается, чтобы повеселиться хоть разочек, один только разочек! Но постой, денег-то у нас нет? - грустно прибавила она. - Ничего из этого, значит, не выйдет!

- Не печалься, - сказал Сали, - я принесу немного денег.

- Но не отцовские? Не... краденые?

- Не беспокойся, у меня уцелели еще серебряные часы, я продам их.

- Не стану отговаривать тебя, - сказала, покраснев, Френхен, - мне кажется, я умру, если завтра не буду с тобой танцевать.

- Самое лучшее было бы нам умереть обоим, - сказал Сали.

С тоской и болью они обнялись на прощание и все же, вырвавшись из объятий друг друга, радостно улыбнулись, твердо надеясь встретиться завтра.

- Когда же ты придешь? - крикнула еще Френхен.

- Утром, не позже одиннадцати, - ответил он, - мы еще на славу с тобой пообедаем!

- Вот хорошо! А еще лучше приходи в половине одиннадцатого!

Когда Сали уже отошел, она снова окликнула его, лицо ее внезапно изменилось, на нем проступило отчаяние.

- Ничего из этого не выйдет, - горько воскликнула она, - у меня не осталось праздничных башмаков! Уже вчера мне пришлось, когда я поехала в город, надеть вот эти, грубые. Не знаю, где достать другие.

Сали стоял растерянный и смущенный.

- Нет башмаков? - повторил он. - Придется, значит, идти в этих.

- Нет, нет, в этих нельзя танцевать.

- Что ж, надо будет купить другие!

- Где? На какие деньги?

- Ах, обувных лавок в Зельдвиле хоть отбавляй. А деньги я раздобуду; и двух часов не пройдет, как я принесу их.

- Но не могу же я расхаживать с тобою по Зельдвиле, и на башмаки денег, наверно, не хватит!

- Должно хватить! Я сам куплю башмаки и завтра принесу их тебе!

- О глупый, они ведь не придутся мне по ноге!

- Дай мне старый башмак... или погоди, я сниму с твоей ноги мерку, это будет самое лучшее, ведь это дело не бог весть какое мудреное.

- Снять мерку? В самом деле! Мне это в голову не пришло. Подожди, я поищу шнурочек.

Она опять присела на лежанку, слегка приподняла юбку и сняла башмак с ноги, обутой еще со вчерашней поездки в белый чулок. Сали опустился на колени и стал, как умел, снимать мерку, проложив по длине и ширине к маленькой ножке шнурок и тщательно завязывая на нем узелки.

- Ах ты башмачник, - сказала Френхен и ласково засмеялась, покраснев.

Сали тоже покраснел, крепко держа - дольше, чем это нужно было, - ногу в своих руках, так что Френхен еще сильнее залилась краской, отдернула ее, но еще раз страстно обняла и поцеловала смущенного Сали, а затем велела ему уходить.

Придя в город, Сали тотчас же отнес часы к часовщику, который дал ему за них шесть или семь гульденов; еще несколько гульденов он получил за серебряную цепочку и почувствовал себя богачом; с тех пор как он стал взрослым, у него никогда не было сразу столько денег в руках. "Скорей бы день пришел к концу, скорее началось бы воскресенье, чтобы можно было за эти гульдены добыть счастье, которое этот день нам сулит", - думал Сали, и чем грознее надвигалось мрачное и неведомое послезавтра, тем причудливей, тем ярче сверкало и сияло веселое и желанное завтра. А пока Сали все-таки скоротал время, разыскивая башмаки для Френхен, и это дело показалось ему самым приятным из всех, какими он когда-либо занимался. Он ходил от одного башмачника к другому, заставлял их выкладывать перед собою всю женскую обувь, какая у них была, и наконец купил легкую,

изящную пару, такую красивую, какой Френхен еще никогда не носила. Сали спрятал башмаки под жилет и не разлучался с ними весь день, а ночью взял к себе в постель и положил под подушку. Так как сегодня поутру он уже видел девушку и ему предстояло увидеть ее завтра, он спал крепко и спокойно, но проснулся очень рано и принялся чистить и приводить в порядок, насколько было возможно, свой плохонький воскресный костюм. Это привлекло внимание матери, которая удивленно спросила, что же это Сали собирается делать, ведь он уже давно не одевался так тщательно. Ему хочется побывать наконец за городом и развлечься, ответил сын, здесь, дома, просто заболеть можно.

- Странные у него повадки в последнее время, - заворчал отец, - все шатается где-то.

- Пусть идет, - сказала мать, - может быть, это будет ему на пользу, прямо смотреть жалко, как он выглядит.

- А деньги на гулянье у тебя есть? Где ты их взял? - спросил старик.

- Не надо мне денег! - сказал Сали.

- Вот тебе гульден! - отец бросил ему монету. - Проешь его в деревне, в трактире, пусть не думают, что нам здесь так уж туго приходится.

- Не пойду я в деревню, и не надо мне гульдена, возьмите его.

- Так я тебе и дал его! Не стоишь ты его, упрямая башка! - закричал Манц и сунул деньги обратно в карман.

Но мать, которая сама не понимала, отчего ей сегодня при виде сына так грустно и больно, принесла ему большой черный миланский шарф с красной каймой - она сама его только изредка надевала, а Сали он всегда нравился. Он обернул шарф вокруг шеи, оставив длинные, развевающиеся концы; в припадке щегольства он впервые приподнял, по деревенской моде, до самых ушей, солидно и по-мужски, ворот своей рубашки, который обычно носил откинутым, и, как только пробило семь, отправился в путь, сунув башмаки во внутренний карман куртки. Когда он вышел из комнаты, им внезапно овладело необыкновенное желание пожать руку отцу и матери, а выйдя на улицу, он еще раз оглянулся на дом.

- Думается мне, - сказал Манц, - парень бежит вернее всего за какой-нибудь юбкой. Еще этого нам не хватало!

Жена отвечала:

- Дал бы бог, чтобы он нашел свое счастье! Хорошо бы это было для бедного мальчика!

- Еще бы! - возразил муж. - Очень это нужно! Райское будет житье, когда он нарвется на какую-нибудь язву-трещотку. Вот уж было бы счастье для бедного мальчика! Что и говорить!

Сначала Сали отправился к реке, где хотел дожидаться Френхен, но дорогой передумал и пошел прямо в деревню за девушкой, - ждать до половины одиннадцатого казалось ему слишком долгим.

"Какое нам дело до людей? - думал он. - Никто нам не помогает, я действую честно и никого не боюсь!"

Сали неожиданно очутился в комнате Френхен и так же неожиданно застал ее совершенно одетой и принаряженной в ожидании минуты, когда можно будет идти; только башмаков еще не хватало. Увидев девушку, Сали молча, с открытым ртом, остановился посреди комнаты - так она была хороша. На ней было совсем простенькое платье из голубого полотна, но свежее, чистое, ловко облежавшее ее стройное тело. Поверх платья она накинула белоснежную муслиновую косынку - вот и весь наряд. Темные вьющиеся волосы были тщательно причесаны, а кудри, обычно свисавшие в беспорядке, красиво обрамляли головку. Оттого что Френхен уже много недель почти не выходила из дому, да и от тяжелых забот, цвет ее лица стал нежнее и прозрачнее; но любовь и радость заливали эту прозрачность все более густым румянцем. А на груди у нее был красивый букет из розмарина, роз и чудесных астр. Тихая, прелестная, она сидела у открытого окна и вдыхала насыщенный солнцем утренний воздух, но, увидев Сали, протянула к нему обе обнаженные до локтя красивые руки и воскликнула:

- Как хорошо ты сделал, что пришел прямо сюда и так рано! Но принес ли ты башмаки? Да? Я не встану, пока не надену их!

Сали вынул из кармана желанные башмаки и подал их так жадно мечтавшей о них красавице; она скинула старые и скользнула в новые, которые пришлись как раз впору. Тогда только она поднялась со стула, потопталась на места в новых башмаках и несколько раз быстро прошла взад и вперед. Она слегка приподняла длинное голубое платье и с восхищением смотрела на красные шерстяные бантики, украшавшие башмаки, а Сали тем временем не отводил глаз от милой, очаровательной девушки, в радостном возбуждении ходившей перед ним по комнате.

- Ты смотришь на мой букет? - спросила Френхен. - Не правда ли, какой красивый? Знаешь, это уж последние цветы, которые мне удалось найти на нашем пустыре. Лишь кое-где попадалась розочка или астра, а теперь, когда они собраны в букет, никому и в голову не придет, что я с трудом нашла их среди такого разорения. Ну, мне пора уходить отсюда: в саду - ни цветочка, в доме - хоть шаром покати.

Сали огляделся и только теперь заметил, что вывезена вся движимость, которая еще оставалась в доме.

- Бедняжка Фрели! - сказал он. - У тебя уже забрали все?

- Вчера, - ответила она, - увезли все, что только можно было сдвинуть с места, и не оставили мне ничего, кроме кровати. Но я тут же продала ее, теперь и у меня есть деньги. Смотри!

Она вынула из кармана несколько новеньких блестящих талеров и показала ему.

- С этими деньгами, - продолжала она, - я должна, как сказал сиротский опекун - он тоже был здесь, - отправиться на поиски места в город и уйти отсюда сегодня же.

- И здесь уже ничего не осталось! - сказал Сали, заглянув на кухню. Ни дров, ни сковородки, ни ножа! Ты ничего не ела с утра?

- Ничего, - ответила Френхен. - Я могла бы купить себе что-нибудь, но решила потерпеть, чтобы потом досыта поесть вместе с тобой, ведь я так рада этому, ты не согласишься, как я рада!

- Если бы я смел прикоснуться к тебе, ты поняла бы, что у меня на сердце, красавица ты моя!

- Правда, нельзя, ты изомнешь мой наряд, да и цветы пожалеем, так будет лучше и бедной моей голове - ведь ты всегда ерошишь мои волосы.

- Идем же, двинемся в путь.

- Нет, надо еще дождаться, пока заберут кровать, а потом я запру пустой дом и больше сюда не вернусь! Мой узел отдам на хранение женщине, которая купила кровать.

И вот они уселись друг против друга и стали ждать. Крестьянка скоро пришла; это была коренастая говорливая женщина, она привела с собою парня, который должен был унести кровать. Когда женщина увидела возлюбленного Френхен и принарядившуюся девушку, она, разинув рот от удивления, подбоченилась и воскликнула:

- Скажи на милость, Фрели! Ты, я вижу, времени зря не теряешь: принимаешь гостей и разоделась, как принцесса.

- Как же, - сказала Френхен, приветливо улыбаясь, - а вы знаете, кто это?

- Ах, как будто это Сали Манц. Гора, говорят, с горой не сходится, а человек с человеком сойдется. Но будь осторожнее, дитя, вспомни, что было с вашими родителями!

- Ах, теперь все переменялось, и все опять хорошо, - улыбаясь, с дружеской откровенностью, почти снисходительно возразила Френхен. - Вот видите, Сали - мой жених!

- Жених? Что ты говоришь!

- Да. И богат к тому же, он выиграл в лотерею сто тысяч гульденов. Представьте себе, соседущка!

Та подскочила на месте, испуганно всплеснула руками и воскликнула:

- Сто! Сто тысяч!

- Да, сто тысяч, - серьезно уверяла Френхен.

- Боже милостивый, это неправда, ты обманываешь меня, дитя!
- Не хотите - не верьте, воля ваша!
- Но если это правда и ты выйдешь за него замуж, что вы сделаете с такими деньгами? Ты станешь знатной дамой?
- Конечно, и мы сыграем свадьбу через три недели!
- Поди прочь, противная лгунья!
- Он уже купил великолепный дом в Зельдвиле, с большим садом и виноградником; вы должны побывать у меня, когда мы устроимся, я надеюсь на это.
- Непременно, чертенок ты этакий!
- Вот увидите, как там прекрасно! Я приготовлю чудесный кофе и угощу вас сдобным хлебом с маслом и медом!
- О плутовка! Так и знай, приду! - воскликнула женщина, и взгляд ее стал жадным, а изо рта потекли слюнки.
- А если вы завернете к нам в обеденное время, усталая, после рынка, для вас всегда будет наготове крепкий мясной бульон и стакан вина,
- Вот это здорово!
- Найдутся и сладости или белые сдобные булочки для ваших ребят.
- Прямо пальчики оближешь!
- Хорошенькую косыночку, или остаток шелка, или красивую старую тесьму вам для юбки, или какой-нибудь лоскут для нового фартука, уж наверно, отыщем, когда улучим минутку и пороемся в сундуках.
- Женщина повернулась на каблуках и в упоении тряхнула юбками.
- И если вашему мужу подвернется выгодное дело - покупка земли или скота - и ему не хватит денег, то вы знаете, по какому адресу вам обратиться. Мой дорогой Сали во всякое время будет рад поместить часть своей наличности в верное и доходное дело. Да и у меня найдутся кой-какие сбережения, чтобы помочь близкой приятельнице.
- Одуроченная вконец женщина растроганно сказала:
- Я всегда говорила, что ты хорошее, доброе, красивое дитя! Да ниспошлет тебе бог хорошую жизнь отныне и во веки веков, и да благословит он тебя за все, что ты сделаешь для меня.
- Но и я, в свою очередь, требую, чтобы вы хорошо относились ко мне!
- Можешь всегда на это рассчитывать!
- И чтобы вы всегда приносили мне ваши товары - фрукты ли, картофель или овощи - прежде, чем понесете их на рынок; чтобы я была уверена в том, что у меня есть под рукой честная крестьянка, на которую я могу положиться. Цену, которую даст вам другой, с радостью заплачу и я, ведь вы меня знаете! Что может быть лучше настоящей, прочной дружбы между состоятельной горожанкой, которая так беспомощно сидит в четырех стенах и нуждается в стольких вещах, и правдивой, честной деревенской женщиной, опытной во всех важных житейских делах! В сотнях случаев бывает это полезно - в радости и горе, на крестинах и на свадьбе, когда дети начинают учиться и когда они идут к конфирмации, когда поступают в ученики к мастеру или отправляются странствовать; при недороде и наводнении, при пожаре и граде, от чего да сохранит нас господь!
- От чего да сохранит нас господь! - повторила добрая женщина, всхлипывая и вытирая фартуком слезу. - До чего же ты, милая невестушка, умна и рассудительна! Да, тебе будет жить хорошо, иначе и правды нет на свете. Ты красива, опрятна, умна, прилежна и на все руки мастерица. Ни в деревне, ни во всей округе нет никого красивее, лучше тебя, и кто женится на тебе, должен почитать себя в раю, или же он негодяй, и тогда ему придется иметь дело со мной. Сали, послушай! Будь ласков с моей Фрели, а не то я проучу тебя. Повезло же тебе, ну и розочку ты сорвал!
- А теперь возьмите с собой мой узел, как вы обещали мне, пока я не пришлю за ним. Может быть, я и сама приеду за ним в карете, если вы ничего не имеете против. В кружке молока вы не откажете мне, а вкусный миндальный торт к молоку я уж сама привезу.

- Золотое дитя мое! Дай узел сюда!

Френхен положила поверх перины, которую женщина уже держала на голове, большой мешок, набитый тряпьем и пожитками, так что на голове у бедной женщины заколыхалась целая башня.

- Пожалуй, мне будет трудно сразу снести все это, - сказала она. - Не прийти ли мне во второй раз?

- Нет, нет! Мы сейчас уходим, путь наш далекий, надо посетить знатных родственников, которые вдруг объявились теперь, когда мы разбогатели. Ведь вы знаете, как это бывает!

- Еще бы! Да хранит тебя бог, и не забывай меня в твоём благополучии.

Крестьянка с башней на голове ушла, едва сохраняя равновесие, за нею поплелся и паренек; приподняв некогда пестро расписанную кровать, он уперся головой в середину полога, на котором изображено было небо с потускневшими звездами, и ухватился, точно второй Самсон, за две передние украшенные резьбой колонки, поддерживавшие это небо. Когда Френхен, опираясь на руки Сали и глядя вслед шествию, увидала среди садов этот колеблющийся храм, она сказала:

- Пожалуй, получилась бы хорошенькая беседка или домик, если бы поставить эту штуку в саду, а внутри поместить столик и скамеечку и обсадить все это плющом. Хотелось бы тебе посидеть там со мною, Сали?

- Да, Фрели! В особенности, когда все заросло бы плющом.

- Что же мы стоим? - сказала Френхен. - Нас здесь больше ничего не удерживает.

- Идем же, запри дом. Кому ты отдашь ключ?

Френхен обвела взглядом двор.

- Повесим его сюда, на алебарду; она находилась в этом доме свыше ста лет, часто рассказывал мне отец, и теперь она останется здесь последним сторожем.

Они повесили старый ключ на ржавый крючок старого оружия, обвитого фасолью, и пошли. Френхен все же побледнела и на несколько мгновений прикрыла глаза, так что Сали пришлось вести ее, пока они не прошли шагов двадцать. Но она не оглянулась.

- Куда же мы теперь пойдем? - спросила она.

- Мы будем, не торопясь, как степенные люди, гулять весь день по окрестностям, - ответил Сали, - где нам понравится, а к вечеру найдется какое-нибудь местечко, чтобы потанцевать.

- Отлично! - сказала Френхен. - Проведем весь день вместе и будем гулять, где нам вздумается. Но сейчас мне что-то не по себе, выпьем кофе в ближайшей деревне!..

- Хорошо, - сказал Сали, - поскорей бы только выбраться отсюда!

Вскоре они очутились в открытом поле и молча пошли рядом по нивам. Выдалось прекрасное сентябрьское утро с безоблачным небом, а холмы и леса были окутаны нежной воздушной дымкой, придававшей им какую-то особую таинственность и торжественность. Со всех сторон доносился звон колоколов то гармоничный густой перезвон из богатого селения, то беспорядочное дребезжание двух болтливых колокольчиков из бедной деревушки. Влюбленные забыли о том, что их ждет к концу этого дня, и всецело отдались безмолвной радости, от которой так высоко вздымается грудь, - радости свободно скитаться в праздничном наряде по полям, шагать навстречу воскресному дню, точно двое счастливцев, имеющих право принадлежать друг другу. Каждый звук или отдаленный зов, который раздавался в воскресной тишине, с потрясающей силой отзывался в их душах, ибо любовь - это колокол, пробуждающий все самое далекое и самое безразличное и претворяющий все в особую музыку.

Хотя они были голодны, полчаса ходьбы до ближайшего селения показали им коротким мгновением. Слегка смущаясь, они зашли в трактир на окраине деревни; Сали заказал хороший завтрак; пока его готовили, они тихонько сидели в большой чистой комнате для гостей, наблюдая за тем, что делалось в солидном и уютном трактире. Хозяин был также и пекарем, последняя выпечка продушила приятным ароматом весь дом, в в

комнату вносились полные доверху корзины с хлебом всевозможных сортов, потому что люди заходили сюда после обедни купить белого хлеба или распить утреннюю кружку пива. Хозяйка, вежливая, опрятная женщина, спокойно и ласково наряжала своих детей, и один из мальчиков, освободившись из рук матери, доверчиво подбежал к Френхен, стал показывать ей все свои сокровища и болтать обо всем, что радовало его и чем он мог похвалиться. Когда принесли крепкий, ароматный кофе, молодые люди робко сели за стол, словно они были в гостях, но скоро приободрились и стали тихонько и радостно шептаться друг с другом. Ах, какими вкусными казались счастливой девушке хороший кофе, жирные сливки, свежие, еще теплые булочки, превосходное масло, мед, яичница, и каких только еще лакомых вещей не было тут! Они нравились ей, потому что за столом сидел Сали, и она ела с таким аппетитом, будто постилась целый год. Радовалась она и красивой посуде, серебряным кофейным ложечкам - хозяйка, видно, приняла их за молодоженов и хотела обслужить как следует, она даже присаживалась к ним поболтать, и оба давали ей разумные ответы, которые пришлись ей по душе. Славной Френхен было так хорошо, что она не знала, как быть: пойти ли опять бродить со своим возлюбленным по лугам и лесам или остаться в гостеприимной комнате, вообразив себе хотя бы на несколько часов, что это уютное место - ее дом. Но Сали облегчил ей выбор, степенно и деловито напомнив, что пора уходить, словно им предстояло заранее намеченное и важное путешествие. Хозяин и хозяйка проводили их до порога и, несмотря на очевидную бедность гостей, расстались с ними как нельзя более приветливо, довольные их примерным поведением; а горемычная молодая чета, простившись с ними по всем правилам приличия, благонаравно и чинно удалилась. И даже потом, когда они вышли опять на простор и вступили в обширный дубовый лес, Сали и Френхен продолжали шагать с тем же видом, будто происходили не из разоренных, погрязших в нищете семей, а были детьми состоятельных родителей, беспечно гуляющими и полными сладостных надежд. Френхен в глубокой задумчивости склонила голову на украшенную цветами грудь и брела по лесу, ступая по гладкой влажной земле и осторожно придерживая платье. Сали, напротив, шел приосанившись, устремив задумчивый взор на крепкие дубовые стволы, как добрый хозяин, который прикидывает, какие деревья выгоднее всего вырубить. Наконец они очнулись от своих несбыточных грез, переглянулись и, заметив, что держатся все еще так, как по выходе из трактира, покраснели и печально понурили головы.

Молодо - зелено; лес стоял в свежем уборе, синело небо, они были одни во всем мире, и вскоре прежнее чувство снова завладело ими. Но они недолго оставались одни - красивая лесная дорога оживилась группами молодых людей и парочками, которые прогуливались здесь после обедни, балагуря и распевая песни: ведь у поселян, как и у горожан, есть свои излюбленные места для прогулок, с той лишь разницей, что уход за ними не стоит денег и что они еще прекраснее городских; крестьяне не только бродят в особом праздничном настроении по своим цветущим и зреющим нивам, но и предпринимают прогулки по лесу и зеленым холмам, тщательно выбирая маршрут, отдыхая то на живописном пригорке, то у лесной опушки; поют песни, радостно впитывают впечатления величественной, дикой природы, и так как, по-видимому, они делают это не во искупление грехов, а для своего удовольствия, то остается признать, что у них есть вкус к природе, независимо от приносимой ею пользы. Все они - и молодые парни и старушки, отыскивающие тропинки, по которым гуляли в молодости, - постоянно отламывают что-нибудь зеленое, и даже суровые крестьяне в том возрасте, когда у человека на уме дела, пройдя по лесу, срезают гибкий прут и очищают его от листьев, оставляя зеленый пучок только наверху. Словно скипетр, несут они перед собой такой прут и даже в присутственном месте или в канцелярии заботливо ставят его в какой-нибудь угол, не забывая, как бы серьезны ни были их дела, снова осторожно захватить его с собой и донести невредимым до дома, где только самому младшему сынишке дозволяется его изломать.

Когда Сали и Френхен увидели эту толпу гуляющих, они засмеялись про себя, радуясь, что тоже идут парочкой, но все же свернули в сторону, на узкую лесную тропинку, и скоро оказались в полном одиночестве. Они останавливались, где им нравилось, уходили вперед,

снова отдыхали, и душа их в эти часы не омрачалась ни единой заботой; она была как чистое небо, они забыли, откуда пришли, куда идут, и вели себя так скромно и чинно, что даже милый, простенький наряд Френхен, несмотря на радостное волнение и движение, оставался таким же свежим и нетронутым, каким был поутру. Сали держал себя на этой прогулке не как двадцатилетний деревенский парень, не как сын опустившегося трактирщика, а так, словно он был на несколько лет моложе и отличного воспитания; почти забавно было видеть, с какой нежностью, заботливостью и уважением он поглядывал все время на свою красивую, веселую Френхен. В этот единственный подаренный им день бедным молодым людям пришлось пережить все оттенки, все настроения любви, наверстывая потерянные дни первого расцвета нежности и преждевременно устремляясь к концу нарастающей страсти, за которую они отдавали жизнь.

После прогулки они снова почувствовали голод и обрадовались, увидев с вершины тенистой горы сверкавшую на солнце деревню, где и решили пообедать. Они быстро спустились вниз, но так же благонаравно вошли в эту деревню, как покинули предыдущую. Дорогой они не встретили никого, кто бы узнал их; Френхен не бывала на людях, особенно в последнее время, и уж тем более в соседних деревнях. Итак, Сали и Френхен производили впечатление приятной, достойной уважения парочки, направлявшейся куда-то по делу. Они вошли в первый же трактир, где Сали заказал хороший обед; для них по-праздничному накрыли отдельный стол, и они снова тихо и скромно уселись, оглядывая стены, красиво отделанные полированным орехом, уставленный всякой снедью буфет, тоже ореховый, прекрасный, хоть и деревенской работы, и свежие белые занавески на окнах. Хозяйка, приветливо улыбаясь, подошла к ним и поставила на стол вазу с цветами.

- Пока подадут суп, вы можете, если вам угодно, полюбоваться букетом. Судя по всему, вы, смею спросить, молоденькие жених и невеста и, должно быть, идете в город, чтобы завтра повенчаться?

Френхен покраснела, не решаясь поднять глаза, Сали тоже не ответил, и хозяйка продолжала:

- Конечно, оба вы еще молоды, но кто женится смолodu, тот, говорят, долго живет; а вы так красивы и милы, вам незачем таиться. Скромные люди могут многого в жизни добиться, если они сходятся в юности и при этом трудолюбивы и верны. А верность вам понадобится, время бежит быстро, и все же тянется долго, и впереди у вас много, много дней. Ну, да вы и хороши собою и веселы, только бы вам не упустить это богатство! Прямо скажу, приятно смотреть на вас, такая вы прелестная парочка!

Кельнерша принесла суп; она расслышала кое-что из речей хозяйки, и так как сама была не прочь замуж, то неприязненно посмотрела на Френхен, которой так повезло. В соседней комнате эта неприятная особа дала волю своему языку и, обращаясь к хозяйке, хлопотавшей там, сказала так громко, чтобы гости могли расслышать:

- Уж эта голытьба! Бегут, очертя голову, в город венчаться, а за душой ни гроша, ни друзей, ни приданого и никаких видов на будущее - разве что бедствовать и побираться. Куда это годится, когда замуж выходят такие девчонки, которые еще не умеют сами юбку надеть или суп сварить? Ах, можно только пожалеть красивого парня, который связал себя с этой бесстыдницей.

- Тсс, да замолчишь ли ты, злючка? - возразила хозяйка. - Их я в обиду не дам. Наверно, это вполне добропорядочные молодые люди с гор, где находятся фабрики; одеты они бедно, но опрятно, и раз они любят друг друга и не боятся работы, то успеют в жизни больше, чем ты со своим злым языком. Конечно, тебе, язва этакая, еще долго придется ждать, пока кто-нибудь позарится на тебя, если ты не станешь приветливее.

Так Френхен вкусила все радости невесты, отправляющейся на свадьбу: слова одобрения и благожелательные речи разумной женщины, зависть злой, мечтающей о браке особы, которая с досады расхваливала и жалела ее возлюбленного, и прекрасный обед за одним столом с этим возлюбленным, Лицо у нее пылало, как алая гвоздика, сердце сильно билось, но тем не менее она ела и пила с большим аппетитом и была особенно учтива с

кельнершей, хотя не могла себе отказать в удовольствии нежно поглядывать при этом на Сали и шептаться с ним, так что и у него голова пошла кругом. Однако они долго и спокойно оставались за столом, как бы медля и боясь пробудиться от сладкого обмана. На десерт хозяйка принесла печенье, и Сали заказал к нему хорошего, крепкого вина, которое огнем разлилось по жилам Френхен, как только она отпила глоток; но она была осторожна, только временами прикасалась губами к бокалу и сидела скромно и стыдливо, как настоящая невеста. Она играла эту роль отчасти из озорства и из желания испробовать, что переживает невеста, отчасти же она и в самом деле переживала эти чувства; сердце у нее, казалось ей, вот-вот разорвется от волнения и горячей любви; ей стало тесно в четырех стенах и захотелось выйти на простор. По-видимому, влюбленным было страшно остаться одним, в стороне от людей, и, не сговариваясь, не глядя ни направо, ни налево, они пошли по главной дороге, шумной и людной. Но когда они миновали эту деревню и подходили к другой, где был престольный праздник, Френхен повисла на руке Сади и дрожащим голосом прошептала:

- Сали, почему мы не можем принадлежать друг другу и быть счастливыми?

- И сам не знаю почему, - ответил Сали и устремил взор на мягкие блики осеннего солнца, игравшие на лугах; при этом ему пришлось крепко держать себя в руках, и лицо его странным образом исказилось. Они остановились, чтобы поцеловаться, но показались люди, и они пошли дальше.

Большое село, где был престольный праздник, уже кипело весельем; из красивой гостиницы доносилась шумная танцевальная музыка, так как молодежь принялась плясать уже с полудня, а на площади перед трактиром раскинулся небольшой рынок: несколько столов со сладостями и печеньями и две-три лавочки с дешевыми безделушками; возле них толпились дети и публика того сорта, которая довольствуется главным образом разглядыванием товаров. Сали и Френхен тоже подошли к этим прелестям и засмотрелись на них; оба одновременно опустили руку в карман, и каждый про себя решил подарить что-либо другому, так как они в первый и единственный раз были вместе на таком рынке. Сали купил Френхен красиво побеленный сахарной глазурью большой пряничный дом с зеленой крышей, на которой сидели белые голуби, а из трубы выглядывал амурчик в виде трубочиста. У открытых окон стояла, обнявшись, парочка, оба толстощекие и румяные, с крохотными алыми губами, соединенными в поцелуе, ибо практичный живописец наспех изобразил одной кляксой два ротика, слившихся таким образом воедино. Черные точки изображали веселые глазки. На розовой входной двери можно было прочесть стишки:

"Войди, моя любимая,

В мой дом, но знай, что он

Для поцелуев создан

И страсти подчинен".

"О, это мне не страшно,

Любимая в ответ,

Мне без тебя, любимый,

На свете счастья нет.

Для жарких поцелуев

Я и пришла сюда".

"Тогда, добро пожаловать,

Войди, войди тогда!" 1

Так изъяснялись между собой, приглашая друг друга войти в дом, нарисованные на стенах - справа и слева от входа - господин в голубом фраке и дама с очень высокой грудью.

Френхен же подарила Сали сердце, на одной стороне которого была приклеена бумажка со словами:

Застряло в сердце сладкое миндальное зерно,

Но все ж моя любовь к тебе слаще, чем оно,

а на другой:

Отведай это сердце, но не забудь стишка:

Скорее света я лишусь, чем разлюблю друга.

1 Стихи в этой новелле переведены В. Инбер.

Они усердно читали эти вирши, и еще никогда рифмованное или печатное слово не казалось никому таким прекрасным и не производило такого глубокого впечатления, как эти пряничные стишки. Все, что они читали, было сочинено для них как бы по заказу, - так это, казалось, подходило к их положению.

- Ах, - вздохнула Френхен, - ты подарил мне дом, и я подарила тебе дом - единственно настоящий, потому что наше сердце - теперь тот дом, в котором мы живем, и мы носим его с собой, точно улитки. А другого дома у нас нет.

- В таком случае мы две улитки, из которых каждая носит домик другого, - сказал Сали, а Френхен добавила:

- Вот и нельзя нам разлучаться - каждый из нас должен оставаться возле своего дома.

Они не догадывались, что прибегают в своих речах к таким же остротам, какие были отпечатаны на пряниках всевозможной формы, и продолжали изучать эту слащавую, непритязательную любовную литературу, разложенную на прилавках в виде надписей, приклеенных к маленьким и большим пестро расписанным сердцам. Все казалось им прекрасным, все необычайно соответствовало их чувствам. Когда Френхен прочитала на позолоченном сердце с натянутыми, как на лире, струнами слова: "Мое сердце - точно цитра. Коснись струны - и зазвенит!" - ей послышалась музыка, точно ее собственное сердце зазвенело. Был здесь и портрет Наполеона, тоже использованный для начертания на нем любовных стишков; под портретом была надпись: "Из глины сердце при мече стальном имел Наполеон, великий воин. У милой грудь прикрыта лишь цветком, но сердце у нее стальное. Я спокоен".

Но как ни были углублены в чтение Сали и Френхен, каждый из них улучил минуту, чтобы тайком купить кое-что для другого. Сали выбрал для Френхен позолоченное колечко с зеленым стеклышком, а Френхен - кольцо из черного оленьего рога с вытисненной золотом незабудкой. Вероятно, одна и та же мысль возникла у обоих: подарить друг другу, перед тем как расстаться, эти бедные знаки любви.

Уйдя в свои переживания, они в рассеянности не заметили, как постепенно вокруг них образовалось широкое кольцо людей, внимательно и с любопытством следивших за ними. Тут оказалось много девушек и парней из их деревни, которые узнали их и стояли группой в отдалении, с удивлением глядя на нарядную парочку, поглощенную благоговейной нежностью друг к другу и забывшую обо всем на свете.

- Посмотрите-ка, - говорили люди, - это ведь Френхен Марти и Сали из города! Видно, они нашли друг друга и соединились. А какая нежность, какая любовь! Смотрите, смотрите! Чем все у них кончится?

В удивлении этих зрителей странным образом слились сострадание к несчастью, презрение к нищете и нравственному падению родителей, зависть к счастью и согласию молодой пары, которая проявляла свое душевное волнение и влюбленность в такой совершенно необычной, почти утонченной форме и в своем самозабвении и безграничной взаимной преданности была так же далека от этих грубых людей, как и в одиночестве и нищете. Когда они наконец очнулись и огляделись вокруг, то увидели одни только любопытные лица; никто не здоровался с ними, и они сами не знали, здороваться ли им с кем-нибудь, хотя это отчуждение и взаимная неприязнь были скорее следствием смущения, чем сознательного умысла. Френхен испугалась, ее бросило в жар, она то краснела, то бледнела, но Сали взял ее за руку и увел бедную девушку, которая послушно шла за ним, держа в руках домик, хотя в трактире весело гремели трубы и ей так хотелось поплясать.

- Здесь нам танцевать нельзя, - сказал Сали, когда они немного отошли, - здесь нас, видимо, ждет мало радости.

- Да, - печально сказала Френхен, - и не лучше ли будет вовсе забыть о танцах и подумать о том, где бы мне найти приют.

- Нет! - воскликнул Сали. - Ты будешь танцевать! Для чего же я принес тебе башмаки! Пойдем туда, где веселится бедный люд, ведь мы сами теперь бедные. Там нас не станут презирать; в "Райском саду" тоже всегда танцуют, когда здесь храмовой праздник, - ведь он находится в том же приходе; пойдем, там ты, на худой конец, и заночуешь.

Френхен вздрогнула при мысли о том, что ей впервые в жизни придется спать под чужим кровом, но она машинально пошла за своим проводником, в котором для нее теперь сосредоточилось все, что у нее было на свете.

"Райский сад" был трактир, красиво расположенный на пустынном городском склоне и возвышавшийся над всей окрестностью; тем не менее сюда в праздничные дни собирался только мелкий люд: дети бедных крестьян, поденщики и даже странствующие батраки. Это был маленький загородный дом, построенный лет сто назад каким-то богатым чудаком, но после него уже никто не пожелал жить там, и, так как участок ни на что больше не годился, странная усадьба пришла в упадок и попала в конце концов в руки трактирщика, который и занялся тут своим промыслом. Но дом сохранил свое название, которому соответствовала и архитектура. Это был одноэтажный дом, а над ним была сооружена открытая терраса, крышу которой по четырем углам подпирали статуи из песчаника, изображавшие четырех архангелов и совершенно выветрившиеся. Вокруг террасы, по карнизу крыши, сидели ангелочки с круглыми лицами и животами, игравшие на треугольнике, скрипке, флейте, цимбалах и тамбурине, тоже сделанных из песчаника и некогда вызолоченных. Потолок изнутри, парапет террасы и стены дома были покрыты выцветшими фресками, изображавшими веселые хоры ангелов и поющих и пляшущих святых. Но все это выглядело поблекшим и неясным, как сон, и, кроме того, бурно заросло виноградной лозой, а в зеленой листве висели синие зреющие гроздья винограда. Вокруг дома высились дикие каштаны, и жилистые, крепкие кусты роз, предоставленные самим себе, разрослись повсюду так буйно, как в других местах - бузина. Терраса заменяла танцевальный зал. Когда пришли Сали и Френхен, они уже издали увидели, что на открытой террасе кружатся парочки, а вокруг дома шумит и пирует толпа веселых гостей. Френхен, которая благоговейно и грустно несла в руках свой домик - приют влюбленных, напоминала святую патронессу церкви, изображаемую на старинных гравюрах с моделью основанного ею собора в руках; однако благочестивой мечте Френхен - основать свой дом - не суждено было сбыться. Впрочем, услышав бурную музыку, доносившуюся с террасы, девушка позабыла обо всех своих страданиях, и ей захотелось только одного - танцевать с Сали. Они еле протолкались сквозь толпу гостей, сидевших перед домом и в комнате, вся зельдвильская голь, совершавшая дешевую загородную прогулку, беднота, выползшая из всех углов; потом они поднялись по лестнице и тотчас же закружились в вальсе, не отрывая глаз друг от друга. Только когда вальс кончился, они оглянулись вокруг. Френхен сломала и смяла свой домик, но не успела еще огорчиться, как вдруг испугалась, увидев скрипача, вблизи которого они очутились. Он сидел на скамье, поставленной на стол, такой же черномазый, как всегда, но сегодня он прикрепил к своей шляпчонке несколько еловых веток, в ногах у него стояли бутылка красного вина и стакан, но он ни разу их не опрокинул, хотя, играя, все время притоптывал ногами, исполняя таким образом нечто вроде танца среди яиц. Рядом с ним сидел красивый, но печальный молодой человек с валторной, а за контрабасом стоял горбун. Сали тоже испугался, увидев скрипача; но тот самым дружеским образом поздоровался с ним, воскликнув:

- Так я и знал, что мне когда-нибудь придется сыграть и для вас! Так веселитесь же вволю, голубки, и давайте чокнемся. Он подал Сали полный до краев стакан, и Сали выпил, чокнувшись с ним. Заметив, как испугалась Френхен, скрипач стал ее ласково успокаивать и рассмешил несколькими милыми шутками. Френхен снова повеселела, и оба они теперь были рады, что у них здесь нашелся знакомый и что они как бы оказались под особым покровительством скрипача. Они танцевали без усталости, забыв себя и весь мир, упоенные пляской, пением и шумом, который стоял в доме и вокруг него и уносился с горы далеко в долину, постепенно окутывавшуюся серебристой дымкой осеннего вечера. Они танцевали,

пока не стало темнеть и пока большая часть веселых гостей, шатаясь и галдя, не разбрелась в разные стороны. Оставалась только бездомная голытьба, которая надеялась, вдобавок к веселому дню, провести еще веселую ночь. Некоторые из них, по-видимому, были хорошо знакомы со скрипачом и очень странно выглядели в своей пестрой и рваной одежде. Особенно обращал на себя внимание молодой парень в куртке из зеленого манчестера и в помятой соломенной шляпе, на которую он напялил венок из веток рябины. С ним была разбитная особа в юбке из вишнево-красного ситца в белую крапинку, с венком из виноградных веток на голове, на каждый висок у нее спускалась синяя ягода. Эта неугомонная парочка танцевала и пела без усталости и мелькала повсюду. Была там еще стройная молодая девушка в поношенном черном шелковом платье и белой косынке на голове со спущенным на спину концом. Эта косынка, затканная красными полосами, была вовсе не косынкой, а попросту полотняным полотенцем или салфеткой, но из-под нее светились синие, как фиалки, глаза. Вокруг шеи и на груди у нее висело в шесть рядов ожерелье из ягод рябины, нанизанных на нитку и заменявших самые красивые кораллы. Девушка все время танцевала одна, упорно отказываясь покружиться с кем-нибудь из парней. Это не мешало ей двигаться грациозно и легко и улыбаться печальному валторнисту каждый раз, когда она проносилась мимо него, а он неизменно отворачивался. Были там и другие женщины со своими кавалерами, по виду всё беднота, но веселые и дружные между собой. Когда совсем стемнело, хозяин не пожелал зажечь свечей, так как, утверждал он, ветер все равно погасит их. Кроме того, скоро взойдет луна, а за те деньги, которые он получает со своих гостей, хватит с них и лунного света. Это заявление было принято с большим удовольствием. Все общество собралось у барьера террасы, наблюдая восход луны, уже окрасившей горизонт, а как только она показалась и бросила свои косые лучи на террасу "Райского сада", все опять стали кружиться, да так бесшумно, чинно и весело, словно они танцевали при блеске сотен восковых свечей. В этом необыкновенном освещении все почувствовали себя ближе друг к другу. Сали и Френхен не могли уклониться от участия в общем веселье, каждому из них пришлось танцевать и с другими. Но каждый раз, разлучившись ненадолго, они опять летели друг к другу и так радовались встрече, словно годы искали один другого и наконец нашли. Когда Сали танцевал с другой, его лицо становилось печальным и неприветливым и он все время оборачивался к Френхен, а она, проносясь мимо, не глядя, пылала, как алая роза, и казалась необычайно счастливой, с кем бы ни танцевала.

- Ты ревнуешь, Сали? - спросила она, когда музыканты утомились и перестали играть.
- Сохрани бог, - сказал Сали, - я не знаю, что значит ревновать.
- Почему же ты так сердишься, когда я танцую с другими?
- Я не из-за этого сержусь. Но когда я танцую с другой девушкой, мне кажется, что в руках у меня полено. А ты как чувствуешь себя?
- О, я всегда как в небесах, когда танцую, если только знаю, что ты возле меня. Но я умерла бы, кажется, если б ты ушел и оставил меня здесь одну!

Они спустились вниз и стали перед домом; Френхен схватила Сали обеими руками, прильнула к нему своим стройным трепещущим телом, прижала пылающую щеку, влажную от жарких слез, к его лицу и сказала, всхлипывая:

- Мы не можем жить вместе, но расстаться с тобой я не могу ни на одно мгновение!

Сали обнял и крепко прижал девушку к себе, покрывая поцелуями ее лицо. В смятении он искал выхода и не находил его. Если бы даже оказалось возможным побороть нищету и неодолимую преграду, созданную семейными обстоятельствами, все же юность и неопытность его страсти не могли бы выдержать долгий искус воздержания; а тут еще отец Френхен - ведь он обездолил его на всю жизнь! Сознание, что в обществе счастье может дать только честный, не отягченный бременем нечистой совести брак, было в Сали так же живо, как и во Френхен. И для обоих отверженных это сознание было последним проблеском того чувства чести, которое в прежние времена ярким пламенем горело в их семьях и которое их отцы, надеясь на свою безнаказанность, погасили и уничтожили одним незначительным

промахом, когда, вообразив, что во имя этой чести им надо приумножить свои владения, они, казалось бы, ничем не рискуя, так легкомысленно присвоили себе собственность человека, пропавшего без вести. Конечно, подобные случаи встречаются каждый день, но время от времени судьба, в назидание другим, сталкивает лбами таких ревнителей чести своего дома или стражей своего добра, которые затем неминуемо уничтожают и пожирают друг друга, как два диких зверя. Ведь те, кто приумножает свои владения, просчитываются не только на тронах, но иногда и в самых бедных хижинах и вместо цели, к которой они стремились, достигают как раз обратного, а щит чести в мгновение ока превращается в позорный столб. Однако Сали и Френхен помнили годы своего детства, помнили незапятнанную честь своего дома, помнили, что их, детей, берегли и лелеяли, а отцы их, обеспеченные, всеми уважаемые, были не хуже других. Затем дети были разлучены на долгие годы, и когда они снова встретились, то вспомнили былое счастье, и это еще сильнее скрепило их взаимное влечение. Им хотелось радости, любви, но только на прочном фундаменте, который казался недостижимым. А горячая кровь кипела, звала их скорее слиться воедино.

- Вот и ночь, - воскликнула Френхен, - нам нужно расстаться!

- Уйти домой, а тебя оставить здесь одну? Нет, я не могу! - воскликнул Сали.

- Ну и что ж? Ночь пройдет, а лучшего мы не дождемся.

- Я хочу дать вам совет, глупые дети, - раздался вдруг резкий голос, и к ним подошел скрипач. - Вот вы стоите, не знаете, как быть, а ведь вы хотите принадлежать друг другу. Советую вам, берите друг друга как есть, не теряя времени. Идите в горы со мной и моими друзьями, там вам не понадобятся ни поп, ни деньги, ни документы, ни честь, ни постель - одна только ваша добрая воля! У нас не так уж плохо: чистый воздух, и достаточно еды, если работать; зеленые леса - наш дом, и там мы любим, как сердце подскажет, а на зиму устраиваем претеплые норы или забираемся погреться в крестьянское сено. Довольно думать и гадать, сыграйте тут же свадьбу и отправляйтесь с нами; тогда вы освободитесь от всех забот и останетесь вместе на веки вечные или по крайней мере, пока вам это нравится, а при нашей вольной жизни, будьте уверены, вы доживете до старости! Не подумайте только, что я хочу отомстить вам за зло, которое причинили мне ваши старики. Нет, хоть я и рад, что вы очутились в таком положении, но этого с меня хватит, я готов помочь вам, если вы последуете за мной.

Он в самом деле говорил искренне и в дружеском тоне.

- Ну, подумайте немного и идите за мной, если вам по душе мой совет. Махните рукой на весь свет, берите друг друга и никого не спрашивайте! Подумайте о веселой брачной постели в лесной чаще или на стоге сена, если на воле вам слишком холодно!

С этими словами он ушел в дом. Френхен дрожала в объятиях Сали.

- Что ты скажешь на это? - спросил он. - Пожалуй, неплохо было бы махнуть рукой на весь мир и без помех любить друг друга. - Правда, он произнес это скорее как шутку, рожденную отчаянием, чем серьезно.

Но Френхен поцеловала его и простодушно ответила:

- Нет, туда я идти не хочу, эта жизнь не по мне. Молодой человек с валторной и девушка в шелковой юбке тоже дружки; как говорят, они сильно любили друг друга. И вот на прошлой неделе эта особа в первый раз ему изменила, и он никак не может с этим примириться; вот почему он так угрюм, отворачивается от нее и от всех, а они потешаются над ним. Девушка наложила на себя веселое покаяние: танцует одна, ни с кем не разговаривает и этим только выставляет его на посмешище. По всему видно, что бедный музыкант сегодня же помирится с ней. А я бы не могла изменить тебе, и мне не хочется быть там, где происходят подобные вещи, хоть я готова вынести все, лишь бы только быть твоею.

И бедная девушка все сильнее дрожала в объятиях Сали; уже с обеда, когда хозяйка трактира приняла ее за невесту и она, не протестуя, вошла в эту роль, Френхен загорелась страстью, как невеста, и огонь в ее крови пылал тем горячее и неудержимее, чем безнадежнее было их положение. Сали также был взволнован: как ни мало прельщали его речи скрипача, они внесли смятение в его душу, и он произнес, запинаясь:

- Войдем в дом, надо еще раз что-нибудь съесть и выпить.

Они вошли в трактир, где уже не было никого, кроме небольшой компании бродяг, сидевших за скудной трапезой.

- Вот наши жених и невеста! - закричал скрипач. - Веселитесь, радуйтесь, и давайте-ка мы вас повенчаем.

Их заставили сесть за стол, и они подчинились, желая спастись от самих себя. Они рады были, что хоть ненадолго очутились среди людей. Сали заказал вина и обильной еды, и началось общее веселье. Печальный музыкант помирился со своей неверной подругой, и оба жадно и блаженно ласкали друг друга. Вторая буйная пара пела, пила и тоже не скупилась на доказательства любви, а скрипач и горбатый контрабасист шумели что было мочи. Сали и Френхен притихли и сидели обнявшись. Вдруг скрипач потребовал, чтобы все замолчали, и приступил к шуточной церемонии, изображавшей брачный обряд. Сали и Френхен пришлось взяться за руки, и все поднялись со своих мест и по очереди подходили к ним, чтобы поздравить и приветствовать их вступление в свое братство. Хоть они ни единым словом не противились и относились к этому как к шутке, но их бросало то в жар, то в холод. Небольшая компания, разгоряченная крепким вином, становилась все более шумной и возбужденной, но вдруг скрипач напомнил, что пора уходить.

- Идти нам далеко, - сказал он, - а уже за полночь. Пора отправляться. Проводим жениха и невесту, а я пойду впереди и сыграю, чтобы все было как полагается.

Так как Сали и Френхен, беспомощные и одинокие, не имели другого выбора, да и вообще находились в полной растерянности, они подчинились и на этот раз; их поставили впереди, а остальные две пары образовали позади них процессию, которую замыкал горбун с контрабасом на плече. Черномазый, выступавший первым, как одержимый играл всю дорогу, пока они спускались с горы, а остальные, шествуя вслед за ним, смеялись, пели и плясали. Так эта безумная ночная процессия двигалась по тихим полям и проследовала через родную деревню Сали и Френхен, обитатели которой давным-давно спали.

Когда они шли тихими улицами мимо утраченных для них родных домов, ими вдруг овладело болезненно-буйное веселье, и, следуя за скрипачом, они стали плясать наперебой с другими, целовали друг друга, смеялись и плакали. С пляской поднялись они на вершину холма, куда их вел скрипач и где находились те три пашни, и тут, наверху, черномазый парень снова с силой ударил по струнам и стал кружиться, как привидение, а его спутники не отставали от него в удалстве, так что мирная вершина казалась каким-то Блоксбергом, где совершался шабаш ведьм; даже горбун, тяжело дыша, подпрыгивал со своей ношей, и никто, казалось, уже не обращал внимания на остальных.

Сали крепче сжал Френхен в своих объятиях и заставил ее остановиться; он первый пришел в себя. Он горячо целовал Френхен в губы, чтобы она замолчала, так как Френхен совершенно забылась и распевала во весь голос. Наконец она поняла его, и они стояли, молча прислушиваясь, пока шумная свадебная свита мчалась через поле и, не заметив их отсутствия, скрылась за берегом реки. Но скрипка, смех девушек и крики парней еще долгое время звенели в ночи, пока все не замерло и не сменилось тишиной.

- От них мы спаслись, - произнес Сали, - но как нам спастись от самих себя? Как нам уйти друг от друга?

Френхен была не в состоянии что-нибудь ответить; тяжело дыша, она охватила его шею.

- Разве проводить тебя обратно в деревню и разбудить людей, чтобы они приютили тебя? Завтра ты пойдешь своим путем, и все, должно быть, устроится, ты везде пробьешься.

- Пробиваться без тебя?

- Обо мне забудь!

- Никогда! А ты? Разве ты можешь забыть меня?

- Не в этом дело, дорогая! - ответил Сали, лаская пылающие щеки девушки, которая страстно прижималась к его груди. - Теперь будем говорить только о тебе; ты еще так молода, перед тобою открыты все пути.

- А перед тобою разве нет, старик?

- Идем, - сказал Сали и повел ее.

Но они прошли всего несколько шагов и опять остановились, чтобы обнять и приласкать друг друга. Тишина, объявлявшая мир, пела и звучала в их сердцах; слышен был только спокойный, ласковый плеск реки, медленно протекавшей внизу.

- Как все чудесно кругом! Ты слышишь: какие-то звуки, будто чудное пение или колокольный звон?

- Это шумит река. Кругом все молчит.

- Нет, еще что-то другое звенит - здесь, там, далеко, повсюду...

- Кажется, это наша собственная кровь шумит в жилах.

Они еще несколько мгновений прислушивались к этим воображаемым или действительным звукам, которые порождала великая тишина и которые смешивались, как им казалось, с волшебным действием лунного света, разливавшегося вблизи и вдалеке по белому осеннему туману, низко стлавшемуся над долинами.

Вдруг Френхен вспомнила что-то: она стала шарить за лифом и сказала:

- Я купила для тебя кое-что на память.

И она подала ему простое кольцо и сама надела его на палец Сали. Он тоже вынул свое колечко и надел его на руку Френхен, сказав:

- Мы, значит, надумали одно и то же.

Френхен подняла руку и стала рассматривать кольцо при бледном свете луны.

- Ах, какое хорошенькое колечко, - сказала она смеясь. - Теперь мы, значит, обручены и отданы друг другу. Ты мой муж, а я твоя жена; вообразим это хоть на одну минуту, только пока не рассеется та полоска тумана возле луны или пока мы не сосчитаем до двенадцати. Поцелуй меня двенадцать раз!

Сали, наверное, так же сильно любил Френхен, как она его, но вопрос о браке не вставал для него с такой остротой, как для нее, видевшей в браке некое "или - или", прямолинейное "быть или не быть", только так она способна была чувствовать и со страстной решимостью отождествляла тот или иной исход с жизнью или смертью. Но теперь и у него наконец спала завеса с глаз, чувство женщины, вспыхнувшее в девушке, пробудило в Сали неистовое и жаркое желание, и пламенная ясность озарила его сознание. Хотя и прежде он горячо обнимал и ласкал Френхен, теперь все это приняло совершенно иной характер, гораздо более бурный, и он стал осыпать ее поцелуями. Френхен, несмотря на то, что сама была ослеплена страстью, тотчас же почуяла эту перемену; она вся задрожала, и не успела еще та полоса тумана проплыть мимо луны, как это чувство передалось и ей. Они пылко ласкали и обнимали друг друга, их украшенные кольцами руки встретились и крепко сплелись, как бы сами собою, помимо веления воли совершая венчальный обряд. Сердце Сали то стучало, словно молот, то замирало, и он еле слышно, тяжело дыша, прошептал:

- Одно только нам и осталось, Френхен. Отпразднуем сейчас же свадьбу и уйдем из жизни - там глубокая вода, там никто нас больше не разлучит, а когда мы соединимся - на короткий ли срок, надолго ли - это будет уже для нас безразлично.

Френхен тотчас же ответила:

- Сали! То, о чем ты говоришь, я уже обдумала и решила про себя: мы могли бы умереть, и тогда все беды миновали бы нас. Поклянись мне, что ты готов идти на это со мной!

- Это так и будет! - вне себя воскликнул Сали. - Никто, кроме смерти, не отнимет у меня мою Фрели!

У Френхен вырвался вздох облегчения, слезы радости хлынули у нее из глаз; она порывисто вскочила и легко, как птица, понеслась по полю к реке. Сали кинулся за нею, думая, что она хочет убежать от него; Френхен же полагала, что он стремится удержать ее от этого шага; так они гнались друг за другом, и Френхен смеялась, как ребенок, который не хочет, чтобы его догнали.

- Ты жалеешь о своем решении? - спросили они в один голос, когда добежали до реки и

ухватились друг за друга.

- Нет, я не перестаю радоваться этому, - разом ответили оба.

Откинув все заботы, они шли берегом, обгоняя быстро текущие воды, - так они торопились найти место, где могли бы приютиться; теперь, в своей страсти, они видели перед собой только хмель блаженства, которое сулило им соединение; весь смысл и содержание остальной жизни сосредоточились на этом; и что бы ни случилось после - смерть, гибель, - все было жалкое дуновение, ничто, и они думали об этом меньше, чем беспечный расточитель о том, как прожить завтрашний день, промотав последнее достояние.

- Мои цветы опередили меня! - воскликнула Френхен. - Смотри, они уже совсем погибли и завяли.

Она сняла букетик с груди, бросила его в воду и громко пропела:

Слаще миндаля моя любовь к тебе!

- Стой! - воскликнул Сали. - Здесь твоя брачная постель.

Они подошли к проезжей дороге, которая вела от деревни к реке; тут находился причал с прикрепленной к нему большой баркой, доверху нагруженной сеном. В буйном порыве он стал тотчас же отвязывать крепкие канаты. Френхен, смеясь, обняла его:

- Что ты делаешь? Разве мы напоследок собираемся украсть у крестьян барку с сеном?

- Это будет приданое, которое они нам дадут - плавучая спальня и постель, какой еще не имела ни одна невеста. А крестьяне разыщут свою собственность на реке, пониже, куда ее все равно отнесет, и они даже не поймут, как это случилось. Смотри, вот она уже качается и готова отплыть.

Барка находилась в нескольких шагах от берега, в довольно глубоком месте. Сали высоко приподнял Френхен и зашагал по воде. Но девушка так пылко и неистово ласкала его, трепеща, словно рыбка, в его руках, что он не мог сохранить равновесие в быстро текущей воде. Она старалась окунуть лицо и руки в воду, говоря:

- Я тоже хочу поплескаться в студеной воде, помнишь, какие холодные и мокрые руки были у нас, когда мы в первый раз подали их друг другу? Мы тогда ловили рыбу, а теперь сами станем рыбами, и какими большими, красивыми!

- Успокойся, маленькая шалунья, - просил Сали, который с трудом держался на ногах, борясь с волнами и с возлюбленной, - иначе меня унесет течением!

Он поднял свою ношу на барку и сам взобрался туда же, вслед за Френхен; затем он положил ее на высоко сложенное мягкое душистое сено и вскарабкался туда же. Когда они оба уселись наверху, барку постепенно вынесло на середину реки, и, медленно повернувшись, она поплыла по течению.

Река текла то между высокими темными лесами, которые покрывали ее своею тенью, то по открытой равнине мимо спящих деревень и одиноких хижин, то она казалась спокойной, как тихое озеро, и тогда барка почти неподвижно стояла на месте, то бурно билась о скалы, быстро оставляя позади сонные берега; и когда занялась утренняя заря, из серебристо-серых вод реки вынырнул город со своими башнями. Заходящий месяц, багряный, как золото, оставлял по течению сверкающий след, и в этой полосе света, перерезав ее поперек, очутилась барка. Когда она в это морозное осеннее утро приблизилась к городу, две бледные фигуры, тесно обнявшись, скользнули с ее темной громады в холодные волны реки.

Спустя некоторое время барка благополучно подошла к мосту и остановилась. Когда потом в реке, ниже города, обнаружили и опознали трупы, газеты сообщили о том, что двое молодых людей из двух крайне бедных, разорившихся семейств, непрерывно враждовавших между собой, нашли смерть в воде; почти весь день до этого они танцевали и веселились в деревне, где был престольный праздник. Надо думать, что это происшествие имеет отношение к барке с сеном, которая приплыла к городу без судовой команды, и что молодые люди похитили барку с целью отпраздновать на ней свою ужасную, нечестивую свадьбу - лишнее доказательство возрастающего падения нравов и разнузданности страстей.